ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 18 АПРЕЛЬ 1974
С ПРАЗДНИКОМ, ТОВАРИЩИ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2443)

27 АПРЕЛЯ 1974

Москва. 23 апреля. Кремлевский Дворец съездов. Делегаты и гости XVII съезда ВЛКСМ горячо приветствуют Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

«Под руководством партии комсомол учится сам и учит молодое поколение по-ленински жить и работать, бороться за торжество коммунистических идеалов. Комсомольцы везде на передовых рубежах. Они всюду, где нужны пламенное сердце, пытливость ума, энергия и инициатива».

Из речи Л. И. Брежнева на XVII съезде ВЛКСМ

В президиуме съезда.

XVII СЪЕЗД ВЛКСМ

ЛЕНИНСК

Их 34 миллиона, молодых ленинцев, членов ВЛКСМ. Лучшие из лучших — собрались в Москве, в Кремле, на свой очередной XVII съезд ВЛКСМ. Это событие происходит в знаменательное время: советская молодежь отмечает 50-летие со дня присвоения комсомолу имени Владимира Ильича Ленина, и каждый комсомолец страны стремится внести свой особый, повышенный вклад в осуществление исторических решений XXIV съезда партии.

В день открытия XVII съезда ВЛКСМ в печати было опубликовано приветствие съезду от Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Центральный Комитет КПСС, говорится в приветствии, выражает твердую уверенность, что «все комсомольцы, все советские юноши и девушки впишут новые славные страницы в историю борьбы советского народа за коммунизм, будут и впредь верны клятве «Жить, работать и учиться по-ленински!»

4 717 делегатов и гости XVII съезда ВЛКСМ заполнили 23 апреля Кремлевский Дворец съездов. 10 часов утра. Бурной овацией, стоя,

Вынос знамен.

Фото А. Гостева, Г. Копосова.

ИМ ЗАВЕТАМ — ВЕРНЫ

встречают собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

По поручению Центрального Комитета ВЛКСМ съезд открывает первый секретарь Центрального Комитета комсомола Е. М. Тяжельников. Он сообщает, что присутствующие здесь руководители Коммунистической партии и Советского правительства единодушно избраны делегатами XVII съезда ВЛКСМ. Под звуки марша, горячие аплодисменты в зал вносят Красное знамя Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, памятные знамена ЦК РКП(б) и ЦК КПСС. Делегаты съезда и гости скандируют: «Партии — слава!», «Ленин с нами!».

Е. М. Тяжельников сообщает, что для участия в работе съезда прибыли представители 135 коммунистических союзов молодежи, демократических и социалистических молодежных организаций из 102 стран мира, а также делегации Всемирной федерации демократической молодежи, Международного союза студентов, Всеафриканского движения молодежи.

С огромным воодушевлением под бурные аплодисменты съезд избирает почетный президиум в составе Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Делегаты и гости съезда встречают Л. И. Брежнева горячей продолжительной овацией. Все встают.

Речь товарища Л. И. Брежнева, неоднократно прерывавшуюся бурными, продолжительными аплодисментами, делегаты и гости съезда выслушали с огромным вниманием.

Затем с отчетным докладом Центрального Комитета ВЛКСМ выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

Посланцы комсомола Горьковской области.

В перерыве между заседаниями.

Варшава. 17 апреля. Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

СОВЕЩАНИЕ В ВАРШАВЕ

Советская делегация в зале совещания Политического консультативного комитета.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна.

НЕРУШИМОЕ

В новый важный этап вступила избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР. На предприятиях и в учреждениях выдвинуты кандидаты в депутаты высшего органа государственной власти СССР.

Советские люди единодушно назвали своими кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР лучших сынов и дочерей народа, самых авторитетных и преданных делу коммунизма представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Первыми своими кандидатами в депутаты трудящиеся называют руководителей Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства.

...В торжественной обстановке проходило предвыборное собрание рабочих Московского завода автотракторной электроаппаратуры № 2. Коллектив передового предприятия столицы единогласно выдвинул кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева.

Выступивший на предвыборном собрании ударник коммунистического труда, шлифовщик инструментального цеха Н. В. Кудрявцев сказал:

— Всем, чего мы достигли, мы обязаны мудрому руководству Коммунистической партии, Центрального Комитета КПСС, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Леонидом Ильичом Брежневым... Все мы хорошо знаем товарища Брежнева как верного ленинца, для которого интересы партии, интересы народа превыше всего. С него мы берем пример, у него учимся принципиальности, настойчивости, требовательности к себе...

Трудящиеся многих других предприятий также назвали товарища Леонида Ильича Брежнева своим кандидатом в депутаты.

На предвыборных собраниях, проходивших по всем избирательным округам страны, трудящиеся назвали своими кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, руководителей Коммунистической партии и Советского государства: Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Выступая на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины, товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «История нашей социалистической Родины делалась и делается людьми труда. Она делалась и делается теми, кто строил Днепрогэс и Магнитку, прокладывал Турксиб и Каракумский канал, кто превратил в цветущий оазис Голодную степь в Узбекистане, кто возводит ныне корпуса КамАЗа и добывает тюменскую нефть».

17—18 апреля 1974 года в Варшаве состоялось совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В совещании приняли участие делегации:

Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателем Государственного совета НРБ Тодором Живковым;

Венгерской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Яношем Кадаром;

Германской Демократической Республики во главе с Первым секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии Эрихом Хонеккером;

Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии Эдвардом Гереком;

Социалистической Республики Румынии во главе с Генеральным секретарем Румынской коммунистической партии, Президентом СРР Николае Чаушеску;

Союза Советских Социалистических Республик во главе с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежневым;

Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии Густавом Гусаком.

Участники совещания Политического консультативного комитета обсудили актуальные вопросы укрепления европейской безопасности и дальнейшей разрядки международной напряженности.

В коммюнике, принятом участниками варшавской встречи, отмечается, что тенденция к разрядке напряженности является в настоящее время доминирующей чертой развития обстановки на европейском континенте и в мире в целом. Широкие круги общественности поддерживают призыв стран — участниц Варшавского Договора направлять усилия на обеспечение успеха общеевропейского совещания, на дальнейшее развитие и углубление процесса разрядки напряженности и нормализации обстановки в Европе. Со своей стороны социалистические государства сделают все от них зависящее, чтобы способствовать успешному завершению в кратчайший срок работы совещания, заключительный этап которого целесообразно провести на высшем уровне.

Участники совещания подчеркнули важность дополнения политической разрядки военной. При соблюдении принципа ненанесения ущерба безопасности сторон — с учетом безопасности всех стран Европы — есть полная возможность достичь конструктивной договоренности о сокращении вооруженных сил и вооружений на континенте.

Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора приняло заявления «За прочный и справедливый мир на Ближнем Востоке», «За прочный мир во Вьетнаме, за обеспечение справедливых национальных интересов вьетнамского народа», «Прекратить произвол и преследование демократов в Чили!».

Совещание в Варшаве проходило в обстановке братской дружбы и сотрудничества.

ЕДИНСТВО

И на предвыборных собраниях советский народ называл кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР Героев Социалистического Труда, передовиков девятой пятилетки, рабочих, колхозников, представителей советской интеллигенции: ткачиху М. С. Иванникову и сталевара В. Д. Постникова, президента Академии наук СССР М. В. Келдыша и врача-невропатолога Т. Бекниязову, наставника ПТУ Б. А. Журавлева и хлебороба М. И. Клепикова, шахтера Г. И. Моцака и комбайнера В. К. Бабича, учительницу Т. Ю. Ахундову и академика Н. Г. Басова, чабана С. Ш. Жаксыбекова и виноградаря М. И. Мекввришвили, председателя колхоза К. Аннамухаммедову и бригадира рыболовецкого колхоза А. П. Розефелда...

Предвыборные собрания прошли по всей стране в обстановке большого политического подъема, советские люди продемонстрировали нерушимое единство и сплоченность вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета.

Предвыборное собрание на Московском заводе автотракторной электроаппаратуры № 2.
Фото Е. Грабилина.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

О ПРИСУЖДЕНИИ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1974 ГОДА В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР, рассмотрев представление Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР, постановляют присудить Ленинские премии 1974 года:

1. **Келдышу** Леониду Вениаминовичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, заведующему сектором Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР,— за цикл теоретических работ по физике полупроводников (туннельный эффект, полупроводники в сильных электрических полях, многофотонные процессы в твердом теле).

2. **Абову** Юрию Георгиевичу, доктору физико-математических наук, заведующему лабораторией Института теоретической и экспериментальной физики; **Крупчицкому** Петру Александровичу, доктору физико-математических наук, старшему научному сотруднику того же института; **Лобашеву** Владимиру Михайловичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, заведующему сектором Ленинградского института ядерной физики имени Б. П. Константинова Академии наук СССР; **Назаренко** Владимиру Андреевичу, кандидату физико-математических наук, ученому секретарю того же института,— за цикл работ по экспериментальному обнаружению и исследованию несохранения пространственной четности в ядерных электромагнитных переходах.

3. **Кирсанову** Александру Васильевичу, академику Академии наук Украинской ССР, директору Института органической химии Академии наук Украинской ССР,— за исследования фосфазореакции и реакций окислительного иминирования фосфор- и серосодержащих соединений.

4. **Белову** Николаю Васильевичу, академику, заведующему лабораторией Института кристаллографии Академии наук СССР,— за цикл работ по структурной минералогии.

5. **Опарину** Александру Ивановичу, академику, директору Института биохимии имени А. Н. Баха Академии наук СССР,— за цикл работ по материалистической теории происхождения жизни.

6. **Минцу** Исааку Израилевичу, академику, председателю Научного совета Отделения истории Академии наук СССР,— за научный труд «История Великого Октября», в трех томах.

7. **Тимакову** Владимиру Дмитриевичу, академику, заведующему отделом Института эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи Академии медицинских наук СССР; **Каган** Гитте Яковлевне, доктору медицинских наук, заведующей лабораторией того же института,— за цикл исследований роли Л-форм бактерий и семейства микоплазм в инфекционной патологии.

8. **Нестерову** Анатолию Иннокентьевичу, действительному члену Академии медицинских наук СССР, заведующему кафедрой 2-го Государственного медицинского института имени Н. И. Пирогова; **Тарееву** Евгению Михайловичу, действительному члену Академии медицинских наук СССР, заведующему кафедрой 1-го Московского медицинского института имени И. М. Сеченова; **Струкову** Анатолию Ивановичу, действительному члену Академии медицинских наук СССР, научному консультанту того же института,— за цикл работ по изучению патоморфогенеза, клиники, диагностики, лечения и профилактики ревматических заболеваний.

Секретарь Центрального Комитета КПСС
Л. БРЕЖНЕВ

Председатель Совета Министров СССР
А. КОСЫГИН

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

О ПРИСУЖДЕНИИ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ 1974 ГОДА

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев предложения Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, постановляют присудить Ленинские премии 1974 года:

1. **Моисеенко** Евсею Евсеевичу, народному художнику СССР,— за цикл картин «Годы боевые» («Красные пришли», «Товарищи», «Черешня», «Победа»).

2. **Симонову** Константину (Кириллу) Михайловичу, писателю,— за трилогию «Живые и мертвые» («Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето»).

3. **Храпченко** Михаилу Борисовичу, академику,— за книгу «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы».

4. **Хренникову** Тихону Николаевичу, народному артисту СССР, композитору,— за Второй концерт для фортепиано с оркестром.

5. **Чеканаускасу** Витаутасу Альгирдо, архитектору, руководителю авторского коллектива, **Бальчунасу** Витаутасу-Казимерасу Мечислово, архитектору, **Бредикису** Витаутасу Юстино, архитектору, **Валюшкису** Гедиминасу Станиславо, заслуженному строителю Литовской ССР, архитектору, **Клейнотасу** Альгимантасу Антано, заслуженному инженеру Литовской ССР, **Шилейке** Винцентасу Юргио, инженеру,— за архитектуру жилого района Лаздинай в г. Вильнюсе.

Секретарь Центрального Комитета КПСС
Л. БРЕЖНЕВ

Председатель Совета Министров СССР
А. КОСЫГИН

ПОЧЕТНАЯ ВАХТА

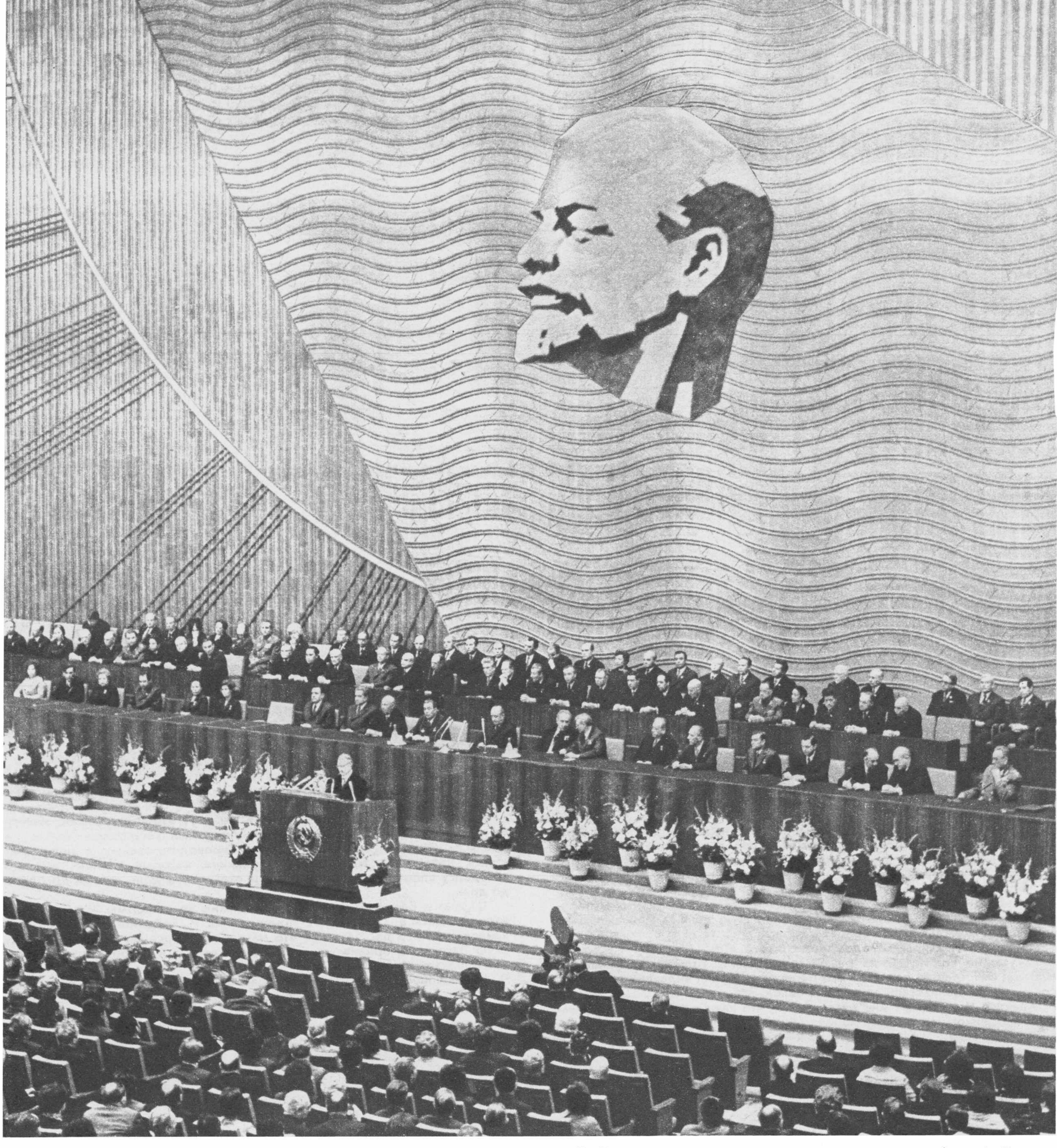
По всей советской земле 20 апреля торжественно и радостно шествовал праздник труда — Всесоюзный коммунистический субботник, посвященный 104-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Миллионы граждан Страны Советов несли почетную вахту в цехах заводов и фабрик, в лабораториях институтов, на колхозных и совхозных полях, благоустраивали улицы городов, поселков, деревень.

С большим энтузиазмом трудились в этот день и рабочие, ветераны труда, молодежь депо Москва — Сортировочная. Вместе с ними приняли участие в «красной субботе» делегаты XVII съезда ВЛКСМ — посланцы Омской области.

На снимке: мастер комсомольско-молодежной бригады депо коммунист Николай Логунов (справа) передает ключи от электровоза, отремонтированного 20 апреля, машинисту, делегату XVII съезда ВЛКСМ Александру Киркину.

Фото В. Кошевого. ТАСС.



Торжественное заседание, посвященное 104-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Фото А. Гостева.

ЛЕНИН ВСЕГДА С НАМИ

Советский народ, все прогрессивное человечество широко отметили 104-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина — основателя Коммунистической партии и Советского государства, гениального теоретика марксизма, великого вождя международного рабочего класса, учителя и друга трудящихся всего мира.

Знаменательной дате было посвящено торжественное заседание, состоявшееся 22 апреля в Москве, в Кремлевском Дворце съездов.

Горячими аплодисментами участники заседания встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Под сводами зала прозвучал Государственный гимн Советского Союза.

С докладом «Ленинским курсом — к коммунизму» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

РОДНЫЕ МОТИВЫ

Лидия БРОДСКАЯ,
член-корреспондент Академии художеств СССР

Почему человек становится пейзажистом? Бунин в «Жизни Арсеньева» писал, что одним из самых глубоких потрясений в его жизни была увиденная однажды «дивная, переходящая в лиловое, синева неба, которая сквозила в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве... Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и в листве, я, и умирая, вспомню».

В каждом художнике живет затаенное, невысказанное чувство родины, то чисто личное, бродящее в душе ощущение отчей земли, которое не дает покоя, пока не выразит себя в этюде, пейзаже, картине. Очень дорого это ощущение и в пейзажах Алексея Грицая. Иногда это всего лишь одно короткое мгновение где-то в предвечерний час, когда день уступает время близким сумеркам, когда птицы затихают и прощаются с солнцем. И вдруг прощальный луч высветит пламенем одинокий дом и верхушки берез, стоящих островком в серо-голубом половодье, как в «Апрельском вечере».

Трудно не поддаться обаянию написанной им ветки цветущей ивы, склонившейся над водой, не остановиться перед многоцветной красочностью увиденных им закатов, не почувствовать призрачного синего света ранних сумерек, погрузивших все живое в почти сказочную нереальность.

Писатели часто признаются, что у них не хватает слов, чтобы передать, например, запах речной воды или полевую тишину. Пейзажист это может. Это может Алексей Грицай.

Сырым, леденящим холодом тянет от его «Темной воды» — мрачного омута; но вот по земле разметался свежий, только что выпавший снег, он бесстрашно лег у самого берега, и старые, видавшие виды ели сразу помолодели, стали еще более зелеными.

Алексей Михайлович мне рассказывал, что как-то ранней весной, шагая с этюдником по лесу, он набрел на поляну, где бледные, обессиленные зимой осины тянули к свету тонкие, иззябшие стволы, а в бесцветной прошлогодней траве на проталинах синели сочные, упругие подснежники. И столько было в них жизни, бодрости, свежести, что казалось, их колокольчики будили сонное царство леса, еще не оправившегося от зимней стужи.

Так появились «Подснежники».

Каждый человек в природе любит свое. Грицай уверяет, что всякое время года дарит ему свои радости. И все-таки чаще он пишет весну, с ее самых первых мартовских дней, когда еще хозяйничает зима и только повеселевшее солнце предвещает перемены, ласково освещая каждый уголок соскучившейся по теплу земли. Мастер любовно наблюдает картины оживающей природы, и вот уже бежит «гонец весны» — первый ручей, и появляется робкая зелень, и вот-вот на деревьях лопнут набухшие красные почки.

Весной из роскошной Ниццы, в 1894 году, Левитан писал Аполлинарию Васнецову: «Воображаю, какая прелесть теперь у нас на Руси — реки разлились, оживает все... Нет лучше страны, чем Россия! Только в России может быть настоящий пейзажист».

Читая эти строки, вглядываясь в полотна наших лучших мастеров, воспевших трогательную, щемящую красоту родного края, трудно представить, что еще немногим более ста лет назад к русскому пейзажу в живописи относились снисходительно.

Минувший с тех пор век, наверное, можно назвать золотым для русского пейзажа: его почувствовали и каждый по-своему показали Саврасов, Левитан, Серов, Ф. Васильев, Жуковский, А. Васнецов, Поленов, Рылов. Его продолжают воспевать наши современники. И среди нынешних мастеров — Алексей Грицай, народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств.

Найти свой образный мир для художника — значит найти себя, свое призвание. Уже в студенческие годы его тянуло к милым сердцу картинам среднерусской природы. Казалось бы, совсем недавно, мальчишкой, приехавшим из Петрограда, он бегал по улицам села Дюндино на Витебщине, впервые увидев по-настоящему поля, леса, луга. Там, в Дюндине, он встретил художника — это был его родственник Иванов, впоследствии ставший архитектором,— и поразился тому, как на бумаге под его рукой засветился огонек свечи, как заговорили краски и появились глубина, воздух, свет.

Пережитое в детстве ощущение магической силы живописи, способной возродить на холсте или бумаге предметы, людей, природу, осталось в памяти на долгие годы. И хотя в школе, уже в Ленинграде увлекся математикой, испытанное однажды потрясение снова вернулось, и с тех пор Алексей Грицай уже не расстается с живописью.

В 1932 году, преодолевая робость и неверие в свои силы, он решил держать вступительные экзамены в ленинградскую Академию художеств. Для него это был храм, в котором учились, становились художниками Репин, Врубель, Суриков, Серов.

В том же здании тогда находился институт аэрофотосъемки. Наверху, над пролетами белокаменных лестниц, был установлен самолет, в нем всегда сидели студенты и учились проводить съемку, а внизу двигались карты. Тут же ходили художники, которые, бывало, жестоко и подолгу спорили об искусстве, и на этой почве дело иногда доходило до драк.

Шумно и беспорядочно жила Академия до реформы, которая произошла здесь в 33-м году, с приходом И. И. Бродского. Алексей Михайлович как-то рассказывал, что на первом курсе он попал в мастерскую Загоскина, признававшего только Сезанна и требовавшего, чтобы все работали в его стиле.

Начинающий живописец был совершенно подавлен тем решительным выбором, который педагог сделал за него в живописи. Тот ставил, например, наклонную плоскость, затянутую красной тканью, на нее — большую грязную банку и предлагал в этюде решить множество задач, непонятных не только первокурснику, но и зрелому художнику. Одна из них была сформулирована как «координация движения».

Студентам предлагались композиции из старинной разбитой виолончели, чучела утки и ольховых поленьев на голубой скатерти. Нужно было писать Венеру рядом с разбитой бочкой, куски ржавого железа. Такой натюрморт с металлоломом, гвоздями и шестеренками сделал тогда Лактионов, учившийся вместе с Грицаем, и получил за него первый номер.

Конечно, Загоскин не собирался разрушать школу, но ошибался в главном: бесполезное дело учиться творчеству у мастера, следуя только его техническим приемам. Пусть художник даже отпустит бороду, наденет косоворотку, подпояшется, а Львом Толстым все равно не станет, добьется лишь внешней похожести. Чему можно учиться у Сезанна, так это его подвижничеству: не признанный даже друзьями, гонимый, он упорно шел к своей звезде, работал и работал, стремясь постичь то, что один он видел и понимал.

Сменивший этого педагога Василий Яковлев был столь обаятельной личностью, что его ученики, сами того не сознавая, старались во всем ему подражать.

Известно, как этот художник любил старых мастеров, и кажется, не было ничего в искусстве, чего бы он не знал и не помнил. Преподаватели редко пишут со своими студентами, а он работал на виду. Кистью владел виртуозно, поправляя работы студентов, показывал артистично, делал это легко, изящно. Память у Яковлева была феноменальная: он мог читать наизусть не только стихи, но и прозу часами и никогда не повторялся. Свободно владел несколькими языками, а западную поэзию знал обычно в двух-трех переводах. Очевидно, обаяние его личности было столь значительно, что это сказалось даже на живописной палитре и приемах его учеников.

На последнем курсе Грицай попал в мастерскую И. И. Бродского, моего отца. Там была уже другая обстановка: студентам предоставляли большую свободу.

А. Грицай. НАЧАЛО МАЯ.

Выставка произведений действительных членов
и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

АПРЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР.

А. Грицай. ПОДСНЕЖНИКИ.

Выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

Отец часто повторял: писать надо всегда, всю жизнь, каждый час, писать глазами, запоминая цвет, форму, композицию, соотношение цвета.

Но писать не пришлось: началась война. Художник стал артиллеристом. Он сражался на передовой, освобождал Ростов, Таганрог, Харьков, был награжден орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда». В недолгие минуты военной тишины, когда воздух был особенно прозрачен, еще роднее и дороже становился каждый куст с перебитыми ветками, каждая травинка. Глаз не мог оторваться от жемчужной ряби облаков и голубизны неба, от игры солнечных лучей в густой листве, от мерцания речной воды... Он оставался художником, хотя под рукой не было мольберта, кисти, красок.

После четырехлетнего военного перерыва пришлось заново учиться рисовать. Было трудно, мучительно, но он блестяще справился с этим испытанием.

Он мог стать известным автором картин на индустриальные темы. Ему хотелось писать мирную жизнь, он едет на Урал, на Верх-Исетский завод и «Уралмаш», создает произведения, в которых показывает труженика, подчинившего своей воле гигантские механизмы. Картина «Кузнечно-прессовый цех» получила тогда первую премию Академии художеств.

Алексей Грицай мог быть и отличным портретистом. Написанные им портреты ученых-академиков М. А. Павлова, Н. Н. Семенова, Б. Б. Полынова, К. М. Быкова давно уже считаются хрестоматийными. Но, вернувшись после войны в родные места, он поразился однажды блеску капели в молодом березняке, потемневшему от времени деревянному срубу у сельской околицы, звону ароматных листьев на ветру и почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Художник сделал свой выбор. Его увлекло великое таинство природы, мудрой и всегда неожиданной, прекрасной и загадочной. Что греха таить, до сих пор пейзаж иногда считается не самым первостатейным жанром. Между тем, как справедливо заметил Паустовский, «своими моральными качествами, талантливостью и творческой силой наш народ обязан, среди других причин, и нашей природе. Сила ее эстетического воздействия так велика, что, не будь ее, у нас не было бы такого блистательного Пушкина, каким он был. И не только Пушкина...».

Грицай пишет широкие, напевные волжские просторы, поэтичную Тарусу, окрестности Вышнего Волочка, прозрачные дали и берега Оки, полюбившуюся ему деревню Макаровка. Картина «В Жигулях. Бурный день» уже в 1951 году была отмечена Государственной премией СССР и заняла свое место в Третьяковской галерее. Тогда же он создает лиричный пейзаж «Над Волгой», увиденный с самой вершины Лысой горы, с площадки, где стоит одинокая сосна. А вскоре плотина Куйбышевской ГЭС неузнаваемо изменила эти места, навсегда оставшиеся жить в картине.

С годами его живописный язык становился разнообразнее, богаче, и это естественно: постепенно каждый талантливый художник вырабатывает свое творческое восприятие мира с присущей его индивидуальности красочной гаммой. Зрелость Грицая-художника отмечена неизмеримо большей, нежели раньше, точностью наблюдений, выразительностью живописных средств. Непосредственность, лирическая настроенность, поэтичность и мягкость — это все качества лучших его работ, признанные зрителями и коллегами-художниками.

Говорят, что хорошего портретиста можно отличить по тому, как он пишет руки. Точно так же о пейзажисте судят по тому, как он пишет небо и воду. Я не всегда даже понимаю, как у него это сделано, с таким мастерством, легкостью и артистизмом.

Мне не раз доводилось вместе с Алексеем Михайловичем бывать на этюдах, в творческих поездках. С ним удивительно легко и приятно работать, его восторженное отношение к природе, трудолюбие и неутомимость заражают спутников. Он всегда готов помочь советом, тактично обсудить картину еще в процессе ее создания.

С Грицаем вообще интересно. Он человек широкой эрудиции, хорошо знает литературу, музыку, а это очень важно для живописца.

Среди созданных им полотен есть мастерски написанные эпические и романтические пейзажи. Но сейчас художника все больше волнует интимное состояние природы, ее неповторимые моменты. В картинах Грицая есть понимание этого большого, своеобразного мира и проникновение в его истинную жизнь.

Об этом думаешь, глядя на работы Алексея Михайловича на юбилейной выставке Академии художеств в Центральном выставочном зале Москвы. Живописные окна в природу, которые прорубает художник, воспитывают эстетическое ощущение близости, родства, неразрывной связи людей и, как говорят сейчас, окружающей среды. Полотна Грицая помогают лучше видеть, лучше слышать и знать, исходя именно из современных отношений человека и природы.

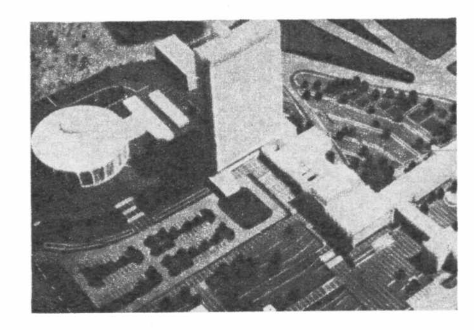
Этому учит Грицай-педагог и своих студентов в Суриковском художественном институте, где руководит творческой мастерской. Он стремится научить их думать, видеть прекрасное и как можно ближе подойти к натуре, к жизни, познать ее внутренние законы. Как в пушкинских стихах, говорит он, нас прежде всего пленяет их глубокий внутренний смысл, так и живопись должна быть обращена к чувствам и уму зрителей.

В последние десятилетия я не помню большой художественной выставки, где бы не экспонировались созданные Грицаем картины родной земли. Его работы, как и произведения другого высоко ценимого мной пейзажиста, Николая Ромадина, всегда представляются мне особенно искренними, теплыми, глубоко личными.

Он остается таким и сейчас, одержимым красотой своей Родины, полным новых, еще не свершенных замыслов. Недавно художник отметил свое шестидесятилетие. И то, что прежде казалось легким, доступным для живописного осмысления, сейчас для опытного мастера становится предметом более глубоких размышлений и творческих поисков. В этих размышлениях и поисках Алексея Михайловича Грицая ведет любовь к родным краям, которую он пронес через всю жизнь.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

БАКУ



ДОРОГОЙ ТЕРПСИХОРЫ

В будущем году начнется строительство Бакинского хореографического училища. Первоклашки-малыши совершат там первые шаги в хореографию.

Новый дом юных служителей Терпсихоры — это не только училище, но и интернат для одаренных детей и стажеров и оперно-балетная студия со своим оркестром. В классах, лабораториях, кабинетах и репетиционных залах классического танца девочкам и мальчикам предстоит постигать тонкости балета, фортепьянной музыки и одновременно проходить полный курс средней школы. В театре-студии со зрительным залом на 360 мест и удобной сценой учащиеся смогут ставить экспериментальные и выпускные спектакли.

Г. ПОГОСОВ

ПОЛТАВА

И НАЗВАН «ПОЛТАВОЙ»

Он еще не пошел в серию, но уже привлек к себе внимание музыкантов, специалистов, экспортных организаций. На Полтавскую фабрику музыкальных инструментов приходят письма из Чехословакии, ФРГ, Канады. Все интересуются новым электронным аккордеоном.

Старейший работник фабрики акустик А. Т. Корнейченко берет в руки новенький аккордеон и перебирает пальцами клавиши. И вдруг просторное помещение цеха заполняют мощные, мягко окрашенные звуки целого оркестра. Просто не верится, что все эти звуки извлекает один человек из одного инструмента!

На фабрике впервые в мировой практике создали музыкальный инструмент на интегральных микросхемах. Это позволило всю электронную «начинку» поместить не в выносных блоках, а внутри аккордеона, сохранив сравнительно небольшой его вес. Инструмент назван «Полтава». В нем десять тембровых регистров, которые воссоздают звучание от органа до флейты-пикколо.

Аккордеон прошел проверку авторитетных комиссий в Москве и Киеве. Пока что инструментов изготовлено десять, а всего до конца года намечено выпустить сотню. Массовое же производство начнется в будущем году.

С. КАЛИНИЧЕВ,
собкор «Огонька».

ВЛАДИВОСТОК

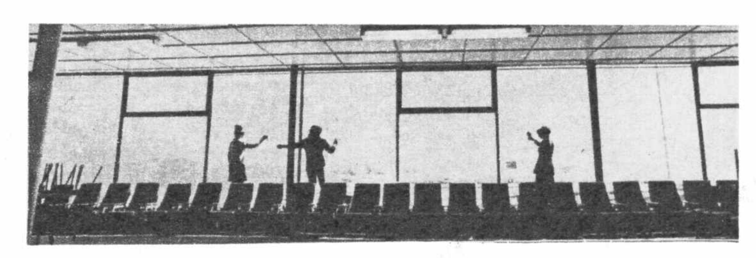
ПРИГЛАШАЕТ ТИХИЙ ОКЕАН

Живописное местечко в пригородной зоне Владивостока выбрала для постоянной прописки туристская база «Тихий океан». Прямо у балконов-лоджий расстилается бархатный ковер тайги. Чуть дальше — лазурная гладь Амурского залива.

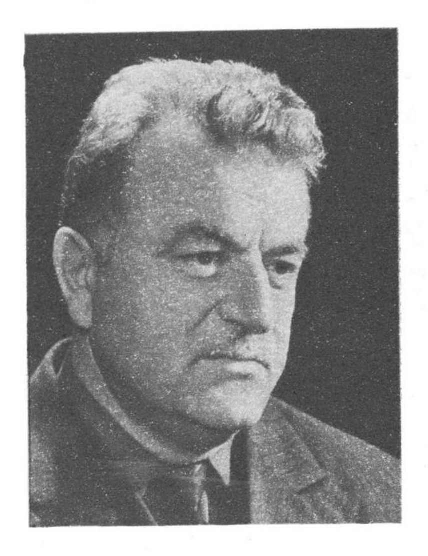
Вместе с председателем краевого совета по туризму Федором Васильевичем Парусовым обходим жилой корпус. Комнаты на два-три человека. Все удобства. В столовую, залы отдыха можно попасть, не выходя на улицу,— по закрытым переходам.

— Дальний Восток — прекрасный, экзотический край,— говорит Федор Васильевич.— Приморское лето ничуть не уступает крымскому. Особенно интересны для любителей путешествий наши леса, где растут аралиевые деревья, напоминающие маленькие пальмы, лианы, дикий виноград. В пору цветения тайги, в мае, турбаза «Тихий океан» примет новоселов. В распоряжении почти полутысячной «армии» отдыхающих — великолепные пляжи, лодочные станции, закрытый плавательный бассейн.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька».



Перед открытием.
Фото автора.



ПОЭМА

Иван ТАРБА

Когда меня не ждет к себе сосед,
и я — чудак — бегу его порога
и нет друзей — их затерялся след,—
не лучше ль, чтоб окончилась дорога?..

И мир не мил, когда ты одинок,—
пусть даже в этом мире ты хозяин!
Кто на земле — скажите! — выжить смог,
в людей не веря и друзей не зная?

Мы все — семья! Как бы отец и мать
у нас одни — вот вывод дружбы веский.
Вот так встречаю и готов встречать
всегда людей страны моей Советской!

Вот почему мне миновать нельзя
жилье соседа на скале отвесной,—
я друг, я не чужой в его глазах,
и он со мною рядом выбрал место...

Вот почему я к морю подхожу —
волною море душу мне голубит...
Своей земли не любишь — так скажу:
ты и другие земли не полюбишь.

А за любовь земля дарит любовь,
и я готов дарить свое богатство,
всю нашу землю обойти готов
по зову дружбы, по закону братства.

Россия!.. Сердца чувствую порыв
ее — моей надежды и опоры.
И, душу для добра свою открыв,
я трепетно иду в ее просторы.

Звезда на небе не одна видна,
не все они сверкают с равной силой,
и, если больше нравится одна,
не значит, что другие мне не милы...

Есть город — он на деле, не в молве
моей судьбе всегда дает так много!..
Я говорю, конечно, о Москве —
в Москву, в Москву лежит моя дорога!

Кремлевских стен громада... Мавзолей...
Здесь, где сейчас на площади стою я,
здесь сходятся дороги всех друзей,
и нет такой, чтоб шла, ее минуя...

Когда я покидаю Мавзолей,
звезда Кремля горит на небосклоне,—
я чувствую, что сердцем стал смелей,
что сердцем стал щедрей и окрыленней,

что полной грудью я сейчас дышу,
что жизнь готов отстаивать и славить,
что ничего от жизни не прошу —
лишь добрый след в конце пути оставить...

Видна мне сразу вся моя земля,
смотрю вокруг — и сердце крикнуть радо:
«О, здравствуй, здравствуй, Родина моя,
Страна моя, высокая награда!»

Москва, твой образ в сердце у меня,
всегда со мной ты: в будний день и в праздник.
Я без тебя не проживу ни дня:
ты искра — без тебя очаг погаснет...

Теперь моя дорога в Ленинград!..
Здесь нашей революции начало,
спешу, спешу, чтоб вслушаться в набат
поры, что колыбель ее качала.

Люблю я этот город так давно!
Я захожу здесь, словно бы к соседу,
в любые двери... Будет ли грешно,
что я отсюда долго не уеду?!.

Пойду бродить над медленной Невой —
преобразится легендарный город:
услышу плеск знамен над головой,
увижу дым грохочущей «Авроры».

А вот и Смольный! Ленин говорит,
с лица Земли срывает саван черный,
и подчиняет Время, и велит
идти ему по нашему закону...

Я снова возвращаюсь на Неву,
здесь фонарей веселых многоточья,
здесь, словно счастье, сказка наяву,
безбрежная прозрачность белой ночи...

Ну, а душа торопится, спешит,
и, чувством неизведанным тревожа,
лежит простор, что всем ветрам открыт,—
он без конца, и нет его дороже!..

Ты, Украина, только позови —
в твоем весеннем солнечном свеченье
ты словно на волне, волне любви,
в каком-то упоительном теченье.

О Украина! Он могуч, велик,
язык твоих седоволосых дедов,
и, чтоб послушать светлый твой язык,
я много раз к тебе еще приеду...

Леса, леса — куда ни погляжу!..
Плывут над ними сизые туманы.
В просторы Белоруссии вхожу,
иду по вашим тропам, партизаны!

Воспоминания ведут меня назад —
пожар войны вокруг бушует снова,
и снова я в сраженье, я солдат,
солдат — я не ищу пути иного!..

И я оттуда в наши дни смотрю,
себя солдатом мира называю,
от имени всех павших говорю
и к миру мир оттуда призываю.

Ну, а дорога снова вдаль зовет,
на этот раз — в каспийские просторы...
Там над водой лазурною встает
такой же, как она, лазурный город.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

ИЗ КАМНЯ ЕГО ГИМНАСТЕРКА...

Он сидел один в опустевшем зале, немного усталый, взволнованный встречей с новосибирцами. Из динамика негромко доносились слова песни:

Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги...

Песня была о погибших солдатах, вставших памятниками у дорог, на площадях и улицах городов. Масолов тоже встречался со смертью лицом к лицу, «похоронен был дважды заживо» — дважды контужен и засыпан землей при бомбежках, четырежды ранен. Он остался жив, но все-таки песня была и о нем.

Великая Отечественная близилась к победному концу. В осажденном Берлине наступил день решающего наступления — 29 апреля 1945 года. Подходы к Тиргартену, последнему оплоту гитлеровцев, были густо заминированы, каждая пядь земли пристреляна. В молчании застыли наши войска — третья и пятая ударные армии, восьмая армия под командованием генерала В. И. Чуйкова. 220-й гвардейский стрелковый полк занял исходный рубеж перед Ландвер-каналом. Уже торжественно пронес знамя полка знаменосец сержант Николай Масолов со своими ассистентами, уже считанные минуты оставались до начала артподготовки. И тут у моста через канал раздался детский плач. Он был настолько неожиданным, что солдаты вздрогнули. Плач все не кончался, и солдаты подумали: через несколько минут ударят орудия, и тогда будет поздно... В этот момент раздался голос командира:

— Сержант Масолов, приказываю спасти ребенка. — И добавил: — Попытайся, сержант, будем тебя прикрывать.

Масолов осторожно полз по асфальту, пробираясь от воронки к воронке. Десятки глаз тревожно следили за ним и желали только одного — чтобы его не увидели другие глаза, с той стороны. Но сержанта заметили. И началась охота за человеком, хотя фашисты понимали, ради чего он рискует жизнью. Теперь Масолов полз совсем медленно, буквально по метру в минуту, и каждая следующая минута могла оказаться для него последней. Перед самым барьером набережной он резко метнулся вверх и перелетел за спасительную бетонную стенку. Хлестнула пулеметная очередь, но опоздала. Масолов огляделся и увидел невдалеке плачущую девочку рядом с убитой матерью. Он пополз туда, и тут же шквал раскаленного металла обрушился

ДРУЖБЫ

Могу ль не повидать тебя, Баку,
нефтяников каспийских не прославить,
и в честь их добрых дел хотя б строку
в поэму дружбы трепетно не вставить?..

А если путь мой в горы не свернет,
не сможет совесть оставаться чистой...
И вот меня Армения зовет
пройти ее дорогой каменистой,

чтоб душу тронул мне Исаакян,
чтоб в улочке зеленой ереванской
передо мною раскрывал Сарьян
все тайны красоты земли армянской...

А Грузия?!. Моей судьбы страна,
страна чудес, где чудеса — с порога!
Я счастлив, что у нас с тобой одна
широкая и ясная дорога.

Люблю Мтацминду раннею весной —
сады цветут, сады порозовели...
И город весь лежит передо мной
так величав, как книга Руставели.

Вода Куры купает небосклон,
сверкающие солнечные выси.
До опьяненья я в тебя влюблен,
мой город, мой красавец, мой Тбилиси!

Я день и ночь по городу кружу...
С тобой никак расстаться не желая,
«Тбилиси» — только это и скажу,—
строка в стихотворенье — как живая!

О, сколько тропок разных исходил,
о Грузия, я по твоим долинам,
всегда дивясь приливу новых сил
и счастью окрыленности орлиной!..

Куда теперь? К таджикам! Чтоб прочесть
все ту же книгу дружбы, не иную!..
Миную их — обид не перечесть,
но разве я друзей своих миную?!.

Я не могу и мысли допустить —
не посетить земли Туркменистана!
Попросит он подольше погостить —
он мне по сердцу — я спешить не стану...

Тебя не обойду, мой Казахстан,
и воспою тебя достойной песней,
и никакой на свете ураган
не разлучит нас — вечно будем вместе!

Потом туда свой путь направлю я,
где год за годом, век за веком кряду
пески лежали — мертвая земля,—
туда, где вся пустыня стала садом.

Срываю золотистые плоды
и пью плодов живительные соки,
и люди, что взрастили те сады,
хозяевами входят в эти строки!

Ташкент, Ташкент, ты край моей мечты!..
Скажи, Ташкент, в трагическую пору
землетрясенья был без друга ты?..
Людское братство — верная опора!

Была с тобою рядом вся страна,
плечо к плечу, и становилось ясно:
ты победишь, хотя беда страшна!..
Ты победил, ты стал еще прекрасней!

Законы дружбы, истины самой...
Пиши о них, снимай на киноленту!..
Здесь есть поселок, я сказал бы, мой:
Абхазией построен он Ташкенту...

И вот я у Киргизии в гостях.
Гостеприимная земля без края!..
Но только пусть друзья меня простят:
мне скоро в путь, я снова уезжаю...

Прибалтика! Нет, ты не в стороне!
Моя дорога не промчится мимо:
Прибалтика легла на сердце мне,
и я давно зову ее любимой!

Готов Литву по-братски обнимать,
эстонцам от Абхазии — поклоны,
меня зовет, зовет морская гладь
и побережье Латвии зеленой...

И снова встречи на моем пути!..
Кто этим встречам сразу рад не станет:
я вижу, как зовут меня зайти,
как мне рукою машут молдаване!

Я опоздал?.. Прошу простить, друзья...
Поверьте, что и в жизни и в поэме
со всеми вместе буду сразу я!
Клянусь вам: обязательно со всеми!

Я должен в Дагестан к друзьям зайти,
к чеченцам, к ингушам, хотя б на время...
И где б ни пролегли мои пути,
как дома я,
я уважаем всеми.

Куда бы ты теперь ни повела,
удачи мне желай, моя дорога!
Под ширью самолетного крыла
лежит Сибирь безбрежностью пологой.

Сибирь! Твои алтайские хлеба,
твоих лесов таежных ароматы,
твоих людей суровая судьба
и мужество — да будут вечно святы!

Тут мне к якутам надо завернуть!..
Потом назад — к татарам и к чувашам!..
Куда бы ни привел мой долгий путь,
я всюду буду встречен полной чашей!..

Но чтоб увидеть всю мою страну,
чтоб добрым всем друзьям моим и братьям
стих посвятить — строку хотя б одну,—
на это слов и жизни мне не хватит!

И, значит, человеку ни к чему
быть вечным гостем... Это понимая,
я возвращаюсь к дому своему
и говорю — уже не гость — хозяин:

Абхазия вас ждет к себе, друзья,
здесь каждый будет узнан, назван, признан.
Без этого Абхазия и я
не можем жить, чтоб радоваться жизни...

Все горы встанут строем вдоль реки,
ни облачка на небо не пуская.
И старики — седые добряки,—
как собственных детей, вас приласкают.

И я вас тоже, братья, обниму,
в честь вас поэму дружбы прочитаю...
Я обнимаю всю мою страну,
к ее груди широкой припадаю...

Сухуми.

Перевел с абхазского Владимир ТОРОПЫГИН.

на Тиргартен — началась артподготовка. Фашистам стало не до Масолова. Он подхватил девочку и, прижав к груди, короткими перебежками двинулся к своим. Сдал малышку в санчасть и снова занял свой пост у полкового знамени.

Последние бои и радость скорой победы почти вытеснили этот эпизод из его памяти. Потом Масолов демобилизовался и уехал к себе в Сибирь, в Тисульский район, Кемеровской области. Тут, в селе Вознесенка, где родился и вырос, пахал он землю, растил зерно. Время все дальше отодвигало военные годы, и только старые раны да ордена и медали воскрешали в памяти бои под Сталинградом, Мамаев курган, переправы Северского Донца и Днепра, освобожденные села и города родной земли, Польши, Германии... Иногда он думал о том, что сталось с той девочкой, плакавшей перед боем на берегу Ландвер-канала. Масолов не подозревал, что давно уже в берлинском Трептов-парке стоит созданный скульптором Е. Вучетичем памятник — советский солдат с девочкой на руках... Каменный тот солдат стал для миллионов людей не только символом отваги и бесстрашия, но и символом человеколюбия и доброты советского народа. Николай Иванович не подозревал, что его разыскивают журналисты ГДР совместно со своими советскими коллегами, и сильно удивился, когда те нагрянули прямо в его дом на станции Тяжин, затерянный на бесконечной транссибирской магистрали. А вскоре из Берлина прислали грамоту, которую Масолов хранит теперь вместе с боевыми наградами: «Магистрат Большого Берлина решил присвоить Масолову Николаю Ивановичу, учитывая большие заслуги при освобождении Берлина от господства фашизма, почетное гражданство Берлина — столицы Германской Демократической Республики. Обербургомистр Фридрих Эберт».

После этого его пригласили в ГДР, где принимали как самого желанного гостя. В Трептов-парке он долго стоял перед скульптурой, вспоминал, переживал заново те давние события...

— Николай Иванович, о чем вы думали, когда ползли под пулями к немецкой девочке? — спросил я его.

— Думал, что если доползу до нее невредимый, то она будет жить. И она живет, — ответил он просто.

Ю. ЛУШИН

Фото автора.

Н. И. Масолов, почетный гражданин Берлина.

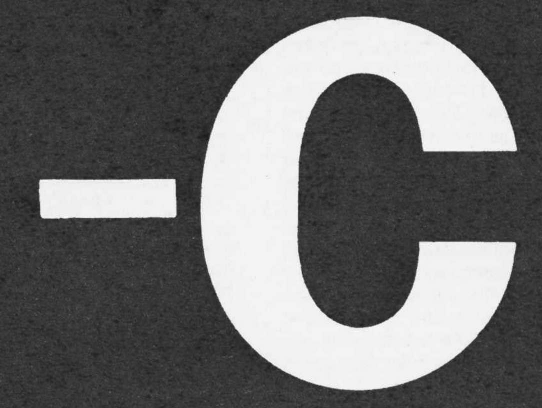
Магазин «Орленок» — самое популярное место у малышей.

Здесь рождаются праздничные букеты.

Книжный магазин «Студент» может удовлетворить требования самых взыскательных книголюбов.

Будущий кондитер Галя Семина.

СЮЖЕТ



А. БОЧИНИН,
Б. СОПЕЛЬНЯК

Не раз нам приходилось видеть Первомайскую улицу столицы, когда по ней текут торжественные колонны трудящихся. Нас очаровал праздничный облик улицы, и мы захотели узнать, какова же она в будни.

Итак, приглашаем вас на Первомайскую!

транное дело! — воскликнул директор магазина «Пианино, рояли» В. М. Анкудинов.— Каждый месяц продаем по четыреста первоклассных инструментов. Среди покупателей было немало маститых композиторов, и никому не пришло в голову написать песню о нашей улице. Нет, кроме шуток! О городах пишут многие, а вот об улице — никто. Если бы кто-нибудь решился написать о Первомайской, я бы ради такого дела выделил самый хороший рояль, поставил бы в укромном

Праздничный концерт самодеятельных артистов в Доме культуры строителей.

ДЛЯ ПЕСНИ

уголке — сиди, сочиняй... Нет, вы только пройдитесь по нашей улице, сами увидите — она достоина песни.

Ну что ж, мелодия — за композитором, а мы дадим сюжет поэту.

Первая строфа будет праздничной, веселой, ароматной — речь пойдет о цветах, о море цветов! В Измайловском совхозе декоративного садоводства выращивают 11 миллионов цветов в год! Это крупнейшая оранжерея столицы. Когда ходишь по теплицам, голова идет кругом, в глазах рябит от буйства красок.

Розы, каллы, астры, хризантемы, пионы, нарциссы, цикламены, петунии и, конечно же, гвоздики. К Первомаю цветов потребуется много, и самых разных. Для торжественных заседаний — гвоздика красная, для юбилеев и концертов — розовая, для свадеб — белая.

— Чувствуют ли ваши цветы весну! — спрашиваем у главного агронома Риммы Васильевны Чопеи.

— Еще бы! — улыбается она.— Цветы ее чувствуют первыми! Как ни хороши теплицы, как ни идеальны в них температура и влажность, как ни ярко искусственное освещение, а стоит пригреть весеннему солнышку — и цветы стряхивают с себя зимнюю вялость, растут не по дням, а по часам. Стебли становятся сочными, лепестки — упругими, и, главное, появляется тот неповторимый весенний аромат, от которого у всех людей, а особенно у женщин, кровь бежит быстрее, улыбка

У новоселов свои заботы.

мелькает чаще, а в сердце — весенняя радость.

Возражать Римме Васильевне трудно, а вот дополнить можно. Нам кажется, что первыми весну чувствуют не только цветы, но и дети. Давным-давно известна примета: как только мальчики вышли на улицу с футбольным мячом, а девочки расчертили классики или взяли скакалку — значит, скоро весна. В этом мы еще раз убедились, отойдя всего сто метров от оранжереи. Подошли поближе. Оказывается, это разминаются юные гимнасты специализированной детской спортивной школы. Позже мы узнали, что среди девочек со скакалками было четыре мастера спорта, а среди мальчиков — два кандидата в Олимпийскую сборную 1976 года. Таких прекрасных гимнастических школ, как на Первомайской улице, в Москве больше нет. Здесь два огромных зала, оборудованных, как говорится, по последнему слову техники, удобные раздевалки, душевые и даже свой интернат. Среди педагогов — четырнадцать мастеров спорта и четыре заслуженных тренера СССР и РСФСР.

Об успехах школы лучше всего говорят цифры: только за последние пять лет здесь подготовлено пятьдесят мастеров спорта и девяносто кандидатов в мастера. Одиннадцать воспитанников в разное время входили в состав сборной страны, а Виктор Леонтьев был даже призером Олимпийских игр.

Вузов и техникумов на Первомайской улице нет, зато есть учебное заведение, с выпускниками которого, хотя бы заочно, знаком каждый москвич.

— Московское профессиональное кулинарное училище создано еще в двадцать седьмом году,— рассказывает директор В. И. Сорокина.— Мы не раз меняли свой адрес, но вот уже восемнадцать лет живем на Первомайской. Каждый год сотни наших питомцев получают дипломы кондитеров и поваров. Есть среди выпускников и очень известные, ставшие теперь шеф-поварами крупнейших ресторанов.

Потом мы пошли в лабораторию училища и, должны признаться, ушли оттуда не скоро. Воспитанницы Б. П. Илюшиной заканчивали отделку «зачетных» тортов. Одни делали «Прагу», другие — «Молодежный», третьи — «Российский». А Галя Семина так увлеклась своей «Бирюсинкой», что не замечала ни нас, ни подруг. Зато, когда торт был готов и Галя пригласила всех попробовать, честное слово, жаль было подступаться с ножом к этому произведению искусства.

Так и учатся будущие повара и кондитеры: готовят и пробуют, готовят и пробуют — и так два года, пока не получат четвертый, а то и пятый разряд.

В тот же день мы видели продукцию выпускников училища не на лабораторном, а на праздничном столе. В кафе «Майском» отмечали сразу две свадьбы: молодежную и серебряную. На загляденье сервированные столы, прекрасно приготовленные блюда и, конечно же, башнеподобные торты!

Это кафе, кстати, очень популярно среди молодежи: в районе много студенческих общежитий, и ребята частенько собираются здесь отметить день рождения, попеть, потанцевать, провести диспут о современной поэзии. Благо за книгами ходить недалеко: рядом книжный магазин «Студент». Чтобы встретиться со студентами, сюда приезжают писатели и поэты, ученые и представители издательств. Споры порой бывают очень любопытные и заканчиваются довольно своеобразно: читатели заявляют, что такая-то книга интересна, но автору следовало бы придумать название позвонче, а художнику — серую, унылую обложку заменить более красочной.

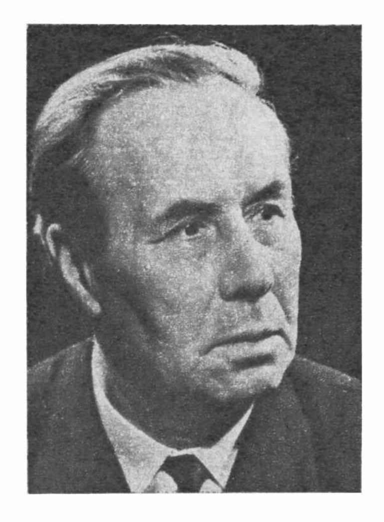
Очень популярен у молодежи и Дом культуры строителей. Открыли его двадцать два года назад, и он уже давно стал настоящим очагом культуры Первомайского района. Судите сами: в различных кружках здесь занимается свыше тысячи человек. А такие коллективы, как народный театр оперетты, народный ансамбль танца «Колхида», театр балетной миниатюры и хор «Звонкие голоса», выступали в Кремлевском Дворце съездов, Колонном зале Дома союзов, Концертном зале имени Чайковского.

Рисунки ребят из детской студии изобразительного искусства экспонировались в Индии, ГДР и на Кубе.

Хотелось бы еще рассказать о детском универмаге «Орленок», о прекрасном кинотеатре «Первомайский», о новых домах, сданных новоселам в канун Первомая... Но пусть об этом и о многом другом расскажут авторы будущей песни, тем более что их, как вы помните, ждет новенький рояль...

Юные музыканты — частые покупатели в магазине «Пианино, рояли».

Вот она, достойная песни Первомайская улица!



К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЛЕОНИДА НОВИЧЕНКО

НА МАГИСТРАЛЬНОМ ПУТИ

Совсем недавно в Москве, в Центральном Доме литераторов, состоялось Всесоюзное совещание критиков, на котором с основным докладом «Критерии, методология, мастерство» выступил Леонид Новиченко. Выступил, как и всегда, убежденно, молодо, свежо. Вряд ли кто из слушавших его в тот день поверил, что ему вот-вот шестьдесят лет.

«Критика,— говорил на этом совещании Леонид Новиченко,— стала более активно, с точных партийных позиций воздействовать на литературный процесс и формировать оценки, вкусы, убеждения читателя. Принципиальность, боевитость, непримиримость к идейным шатаниям — все это качества, которые закреплялись в работе критиков и литературоведов».

Одним из тех, кто особенно ярко воплощает эти определяющие качества, является и сам Леонид Николаевич Новиченко, член-корреспондент Академии наук УССР, лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко и премии президиума Академии наук СССР имени В. Г. Белинского.

Когда видишь Л. Новиченко, говоришь с ним, ясно представляешь кипучую жизнь сельского хлопца с Сумщины, его страстность, бескомпромиссность, которые продолжают сопровождать критика во всей его работе.

Объемна творческая палитра Леонида Новиченко. Он начинал как поэт, выступал как публицист, но наибольших успехов достиг в литературной критике. Среди его произведений — работы по истории украинской литературы, по теории и практике социалистического реализма, статьи и книги о Тарасе Шевченко, Павло Тычине, Максиме Рыльском, Юрии Яновском, Олесе Гончаре, о других видных прозаиках, поэтах, драматургах.

Критические и литературоведческие работы Леонида Николаевича отличаются углубленной партийной страстностью, единством эстетического и социального анализа, научной основательностью и объективностью.

Не зря говорят, что перо пишет плохо, если в чернильницу не добавить несколько капель собственной крови. Леонид Новиченко почти всегда пишет кровью сердца.

Пусть же эта короткая заметка в какой-то мере, хотя и небольшой, напомнит, что в успехе нашей литературной критики последних (да и не только последних) лет одно из ведущих мест принадлежит секретарю правления Союза писателей СССР, председателю совета по критике, коммунисту Леониду Николаевичу Новиченко.

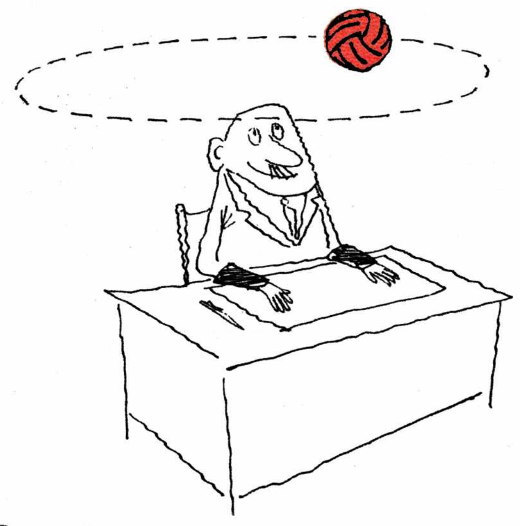
Михаил ЛАПШИН

БАТУМСКАЯ ВЕСНА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Весенний репертуар.

Не теряя времени даром...



Спутник весны.

Рисунки Ю. Черепанова.

Если весна решила идти к нам морем, значит, встречать ее надо в Батуми. Именно здесь, в тихой, глубокой бухте, делает она свою первую морскую стоянку, расчесывая легкими бризами волны, играя с вечнозеленой листвой колхидских лесов, садов и плантаций.

Не тот ли это Батуми — известный своей поэзией, красотой, глубокой синей водой, где Сергей Есенин познакомился с юной учительницей по имени Шаганэ? Позже это имя появилось в цикле есенинских стихов «Персидские мотивы»:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли...

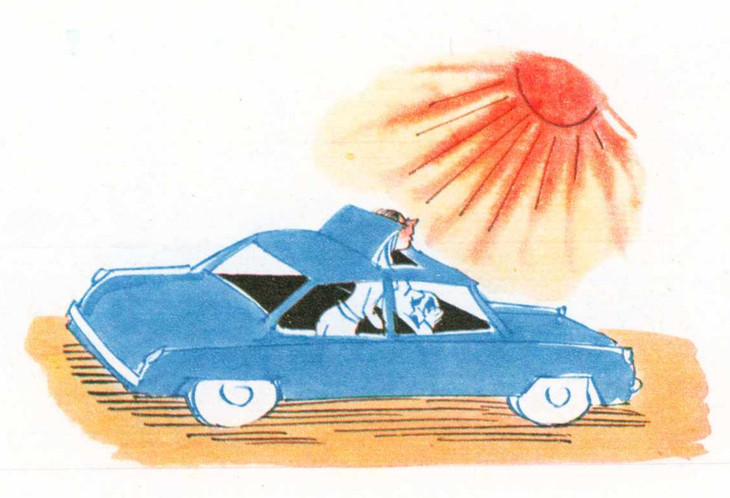
Это было пятьдесят лет тому назад. И уже не одно поколение с душевным трепетом повторяет эти напевные строки, рожденные у морского берега, под плеск морского прибоя, потому что поэзия — это прежде всего весна души, увлеченность...

Весна 1974-го — особая. Это в нынешнем году Центральный Комитет КПСС и Советское правительство приняли специальное решение по Грузии, которое должно ускорить развитие народного хозяйства республики. Немалая доля дел падает на Аджарскую АССР и центр ее — Батуми. Поскольку в постановлении намечены огромные работы по окончательному освоению Колхидской низменности, то и Аджария, часть Колхиды, тоже примет в тех работах активное участие. Поскольку задача республики в том, чтобы увеличить производство цитрусовых, значит, дело сейчас за аджарскими цитрусоводами — ведущим отрядом цитрусоводов Грузии.

Большие перемены ждут и Черноморское побережье Грузии. Будет в Батуми большая пассажирская пристань, в Зеленом Мысе — тоже, но поменьше. Укрепляется морской берег. Более чем на 16 тысяч мест расширяются курортные и туристические базы. Для здешних берегов открывается сегодня перспектива, требующая не только любования, но и дела. Справятся ли с этим батумцы? Вне всяких сомнений: ведь город вышел по итогам прошлого года победителем в соревновании грузинских городов. И еще: за успехи прошлого года в сельском хозяйстве Аджарии присуждено Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Чаеводы и цитрусоводы, судостроители и нефтепереработчики, моряки и рыболовы — все труженики этого благодатного края могут сделать больше, чем до сих пор.

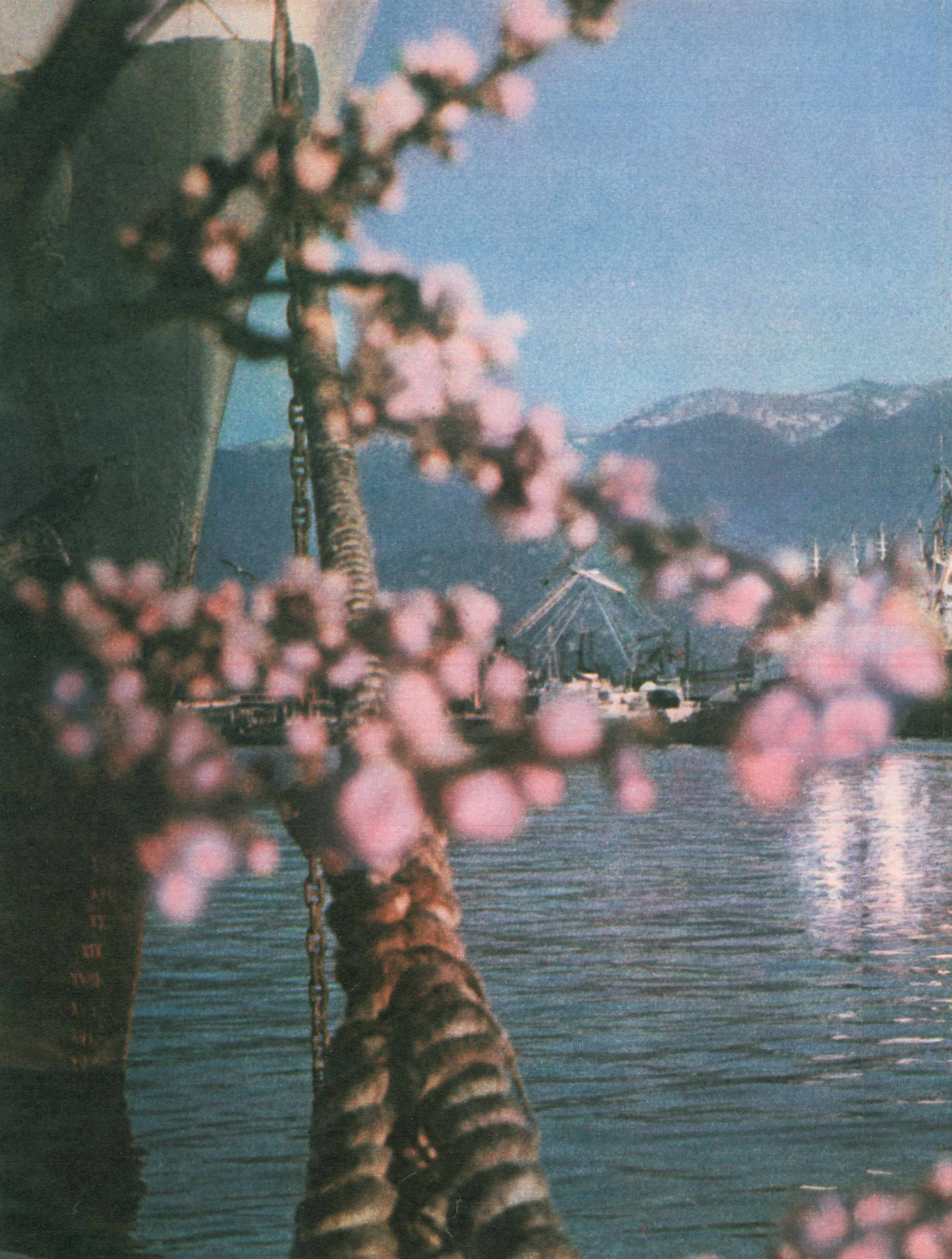
Здравствуй же, батумская весна! Здравствуй, славный южный порт, рабочие сейнеры, курортные пляжи, сады и плантации! Здравствуй, батумский маяк, стоящий на самом кончике Бурунтабийского мыса, почти на пересечении 41-й параллели и 41-го меридиана! Светит он гостеприимным огоньком всем сегодняшним и завтрашним друзьям Батуми!

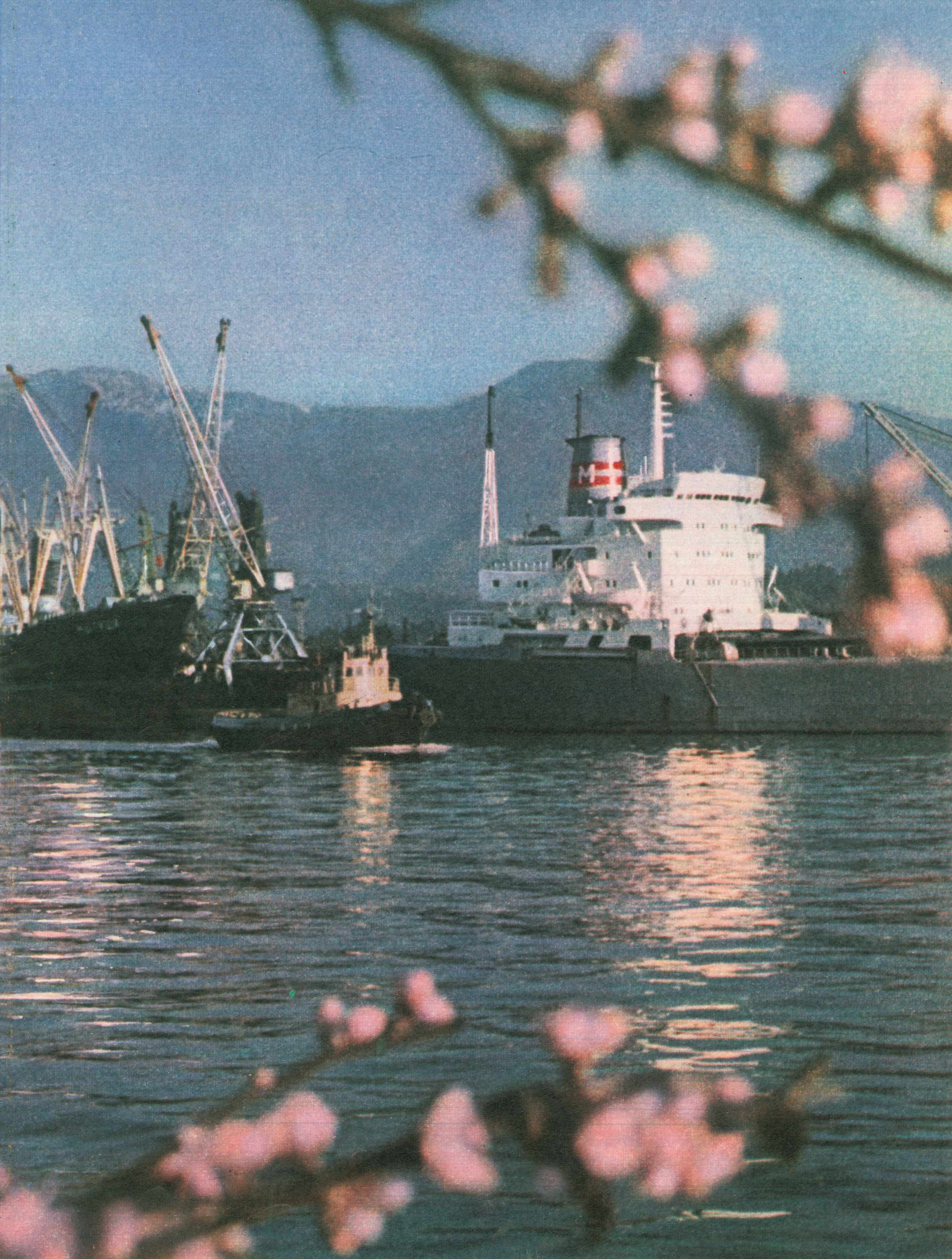
Ия МЕСХИ



Первый загар.

— Сигналь, сынок:
«Привет нахимовцам!»




M

— Погляди, какие у дяди ласты.

— Петя, гони!

Без слов.

— Жена говорит, что тень ей мешает.

Рисунки В. Воеводина.

ОТЦОВСКАЯ КЕПКА

Михаил КОЛОСОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Весело поблескивая, ручеек катился с огорода, где дотаивал грязный, ноздреватый снег, и по желобку, проделанному Васькой, убегал на улицу.

Ваське вдруг вспомнился отец. Год тому назад в это же время Васька возился у вешнего половодья — прилаживал бумажную крыльчатку, хотел заставить воду крутить ее. Но бумага быстро намокала, и крыльчатка превращалась в бесформенную массу. Вышел из хаты отец, увидел Васькину затею, подсказал: «Из дерева лопастное колесо смастери — вот тогда дело будет». И не выдержал, поставил на завалинку железный сундучок свой, в котором носил в депо еду, пошел в сарай и долго гремел там деревянными чурками и разными железками — искал что-то. Наконец вышел с большой жестяной банкой, кивнул Ваське: «Железную мельницу сделаем...» Складным ножом вырезал из банки круглое дно, выровнял его молотком и принялся ножницами надрезать края. Надрезы делал небольшие, сантиметра на два от края. Работал он быстро — железо в его руках было послушным, только чуть слышно покрякивало под ножницами. Кончил надрезывать, стал плоскогубцами отгибать лопасти, ощетинил донышко — на тракторное колесо с шипами стало похоже. Потом пробил гвоздем дырочку в центре и насадил на железный прут.

Пяти минут не прошло, а он уже пристроил колесико над бурлящим ручейком и заулыбался, довольный, когда колесико завертелось и замельтешило на солнышке белыми искрами лопастей.

— Втулочку надо сделать, а то дырочка разработается, колесо будет валиться набок. Но это я завтра сделаю.— И стоял, не уходил, любовался «мельницей», медленно вытирая руки паклей.

На голос вышла мать, пристыдила отца:

— Играется! Ребенок! На работу опоздаешь ведь.

— Ничего, успею,— сказал отец, беря сундучок.

И Васька видел, с какой неохотой отец уходил из дома, как ему хотелось остаться и сделать для колеса втулочку.

Но он ушел. Ушел и не вернулся... С работы отца послали уполномоченным в колхоз — перед посевной. А там кулаки ночью подкараулили его и избили.

Последний раз Васька видел отца в больнице, где он, корчась от боли в животе, умирал в муках...

Стоит Васька над ручьем, задумался. Трудная зима была — холодная, а весна пришла голодная. Наверное, довелось бы и Ваське суусликов попробовать, как Солопихиным, если бы не устроилась мать на станцию мойщицей вагонов. Устроилась — сразу легче стало: ей рабочую карточку дали — на нее и на трех иждивенцев почти два килограмма хлеба стали получать. Жить можно!

А отца жалко. Хороший был. Собирался Ваську с собой взять на первомайскую демонстрацию, и Васька уже представлял, как он вместе с деповскими рабочими будет идти на площадь и петь песни под духовой оркестр. Не получилось, печальным был май для них в прошлом году...

Из раздумья Ваську вывела мать. Радостная, она толкнула сына в плечо:

— Ты што замечтался? Иди в хату, получку мою будем считать: ишо никогда столько не получала! — Длинные черные ресницы торопливо смахивали с ее смеющихся глаз слезинки.

— А плачешь?

— Так от радости! — сказала она.— Получку дали, премию и ишо талон на промтовар в «закрытый» магазин. В воскресенье поедем с тобой в город, купим кое-какую обновку к празднику — тебе, Тане, Алеше...

— А тебе?

— Может, и мне... На харчи мало останется, да ничего, как-нибудь перебьемся. Обновку к празднику надо обязательно...

В комнате положила на стол деньги и, оставив детей считать ее получку, сама тут же пошла к соседу — деверю своему Карпо — советоваться. Тот часто бывает в городе, знает, где что продают и почем.

Карпо сидел после обеда на скамеечке у приоткрытой плиты — курил. На приветствие невестки кивнул и снова уставился на тлеющие угли в плите. Мужик он был суровый, неразговорчивый. Зато жена его Ульяна, маленькая, шустрая, говорила всегда за двоих.

— А я к тебе, кум. Мужской совет нужен. В город в воскресенье собралась ехать...— И мать рассказала деверю о всех своих планах.

Карпо выслушал ее, хмыкнул неодобрительно:

— Балуешь ты их... Празднику-то один день, а ты им обнову покупать. С какого жиру?

— Ходить же им все равно в чем-то надо? — оправдывалась мать.— Праздник не праздник... Штанишки, обувка...

— Скоро тепло — босиком будут бегать,— стоял на своем Карпо.

— А пока холодно, хоть сандалетки какие купить. Мальчишка уже большой, в школу надо доходить.

— Да тебе-то что? — прикрикнула на Карпа Ульяна.— У тебя о чем спрашивают? На то и отвечай.

Карпо не обратил внимания на жену, продолжал в том же тоне:

— Ну, гляди сама. Тебе видней. В городе зевка не давай — быстро облопошат.

— Как так?

— А так. Ты вещь, скажем, поглядела, понравилась тебе. А пока ты деньги достаешь, тебе ту вещь завернули в газетку. Ты заплатила, взяла, приехала домой, развернула, а там какая-нибудь тряпка старая. Подменили. Вот так.— Карпо долго смотрел то на мать, то на Ульяну, какое впечатление произвел его рассказ.

— Жулья разного хватает,— подтвердила Ульяна.

— А то еще такие случаи бывают,— разговорился Карпо.— Продает сапоги. Хромовые, новые, ненадеванные. Кожа на подметках спиртовая, не придерешься. Купил, привез домой, надел, пошел в гости, а обратно босиком: подошва разлезлась, оказалась из картонки.

— А как же так? — удивилась мать.— Как же узнать?

— Как хочешь, так и узнавай,— сказал спокойно Карпо и бросил в поддувало цигарку.— Ногтем поковыряй или ножичком надрежь. Да только разве он даст резать? Все одно трудно распознать, картон есть такой твердый, шо его и ножиком не вковырнешь. Шо тут балакать? Словом, на «тучу» надо ехать, там все продают. Она в конце Первой линии направо. Спросишь, где тут «туча», или барахоловка,— тебе каждый скажет...

— Я знаю, где она,— сказала мать.

— Ну, а знаешь, так о чем спрашиваешь?

Напугал мать Карпо, нагнал на нее страху — та не знает, как быть. Но ехать надо. На Ваську надежда — все-таки не одна, вдвоем в четыре глаза будут смотреть, чтобы их не обжулили.

А Васька от радости себя не помнит, никак не дождется воскресенья. В городе он бывал редко и всякий раз ехал туда с трепетным волнением. Город для него — будто другая страна, где все не так, как в поселке, все подругому: там красиво, людно, весело и жутковато. Город его поражал и удивлял: большие, многоэтажные дома стоят впритык друг к дружке, вдоль длинных улиц тянутся магазины, один зазывнее другого; не стены, а одно сплошное стекло. «А вдруг кто каменюку бросит?» — думал Васька и удивлялся, что никто не бросает...

Город встретил их многолюдьем задолго до своего кипучего центра — на вокзале, где они должны были пересесть на трамвай.

Маленький красный трамвайчик — остаток бельгийской компании, визжа на повороте и отчаянно трезвоня, показался из-за угла. Опасно накренившись на правый бок и разболтанно култыхаясь на неровностях дороги, он торопился к остановке. Но еще до остановки его подстерегала большая толпа мужиков, и как только трамвай показался из-за поворота, они кинулись к нему, облепили со всех сторон. Одни повисли на подножках, другие бежали вслед за трамваем, пытаясь схватиться за что ни попадя. Рабочие парни цеплялись за рамы и лезли внутрь через окна.

Трамвай дополз до остановки, постоял с минуту, снова заколошматил звонком, требуя освободить дорогу, и тронулся по кольцу в обратный путь. Толпа, взбаламученная трамваем, долго бежала за ним, самые ловкие цеплялись за разные выступы вагона, ухитрялись както закрепиться на нем, взбирались на крышу, и трамвай уже не был похож на себя, а казалось, катился по рельсам огромный пчелиный рой, покинувший улей.

Мать прижимала Ваську к себе и, когда подходил трамвай, отступала подальше от него, чтобы толпа не затерла.

— Пропустим, пропустим,— говорила она Ваське.— Нехай едут. Куда нам спешить? Эти уедут, потом народу поменьшает.

Но приходил один, другой трамвай, а толпа не редела — откуда только и берутся люди!

— Так и будем стоять? — проворчал Васька и потащил мать к передней площадке подошедшего вагона: он заметил, что там меньше народа. Как раз в этот момент вожатая встала в дверях, замахнулась на наседавших парней ключом:

— Куда вы лезете? Дайте выйти людям!

Парни отступили, из вагона вышли пассажиры, и мать осмелела, попросила:

— Пропустите, с мальчиком вот никак не сядем.

Грозная вожатая оказалась с добрым сердцем, пропустила их. И тут же, как по сигналу, ринулись на штурм двери остальные. Вожатая пыталась как-то установить порядок, но это уже было ей не под силу, и она, ругаясь, пошла на свое место. Сердито забарабанив звонком, резко рванула трамвай.

Вагончик бежал мимо горняцких поселков, мимо заводов, высоких, островерхих, как египетские пирамиды, терриконов. Его болтало из стороны в сторону, Ваську с матерью прижали в самый угол — ни охнуть, ни вздохнуть. Но Васька переносил эти неудобства как-то спокойно, иной езды в трамвае он никогда не видел и не представлял. А голос кондукторши, которая выкрикивала остановки, звучал для него как музыка:

— Бутовка, Компрессорная, Соцгородок, Сенной рынок...

На каждой остановке в вагоне происходило перемещение: одни протискивались к выходу, другие входили. Те, что висели на ступеньке, кричали:

— Пройдите там!.. В середке-то пусто!..

— Ага,— отвечали им из вагона.— Тут хоть танцуй! Гармошки только нема...

— Граждане, граждане, вагон не резиновый! — пыталась урезонить пассажиров кондукторша.

И трамвай бежал до следующей остановки.

— Скоро приедем. Сенной проехали, это уже город,— сказала мать.

А Ваське хоть бы и не кончалась дорога, прилип к стеклу, смотрит на бегущие мимо рудники, заводские корпуса. Время от времени дергал мать за полу, спрашивал:

— Ма, что это?

А мать и сама не знала, отвечала свое обычное:

— Завод какой-то...

— А это что копают?

— Строить штось будуть...— И, вглядевшись, поясняла: — Это ж, наверно, тут и будет тот большущий завод, куда всех рабочих вербуют. Пятилетка — вот она.

Васька слышал про эту стройку от вербованных, о ней много разговору: коксохимкомбинат. Завод-универсал: из угля будет делать резину, смазку разную, спирт и даже маргарин! Прильнул к стеклу Васька, пытается получше рассмотреть завод, но пока ничего в нем нет особенного: нарыты котлованы, везде земли кучи, вдали строятся корпуса из белого кирпича — вот и все.

Потянулся к материному уху, прошептал:

— Из угля будут маргарин делать.

— Брехня. Он же черный будет? — не верит мать.

Но Васька настаивает на своем:

— Будут. Это ж химия, молекулы туда-сюда поменяют, и все.

— Я все одно его есть не буду,— говорит мать и почему-то улыбается.

— А ты и не узнаешь: он будет как настоящий.

Сошли они, как и учил Карпо, в конце Первой линии. Да, собственно, здесь почти все и вышли из вагона, будто дальше и дел ни у кого нет. Широким половодьем народ тек на «толкучку», которая, по существу, началась уже у самого трамвая. В толпе шмыгали какие-то типы, одни предлагали что-то купить, другие, наоборот, сами хотели что-то приобрести и почти у каждого спрашивали воровато, шепотом:

— Шо продаешь?

Но мать не обращала на них внимания, схватив Ваську за руку, словно маленького, тянула в центр толкучего рынка.

— «Туча»,— проговорила она.— И правда — народу туча.— И остановилась, соображая, куда идти, в какой конец, где что продают — должен же быть какой-то порядок.

Но базар был совсем бестолковым: на нем продавали все и везде. Надо было ходить по нему, толкаться, авось наткнешься на то, что тебе нужно.

Мать увидела женщину с буханкой хлеба, подошла, спросила:

— Почем?

— Прошу пятьдесят...

Мать покачала головой и отошла.

— Ты что, хлеба хочешь купить? — спросил Васька.

— Да нет. Просто приценилась...

Полдня толкались они по базару, насмотрелись разного такого, чего, живя в поселке, и за всю жизнь не увидишь. И не напрасно толкались: что надо, почти все купили. Ваське костюмчик из «чертовой кожи», Таньке платьице, Алешке штанишки и всем троим сандалетки. Этой покупкой мать особенно дорожила.

Сапожник, старичок-грек, щупленький, с большими черными глазами навыкате и пышными усами, быстро догадался, чего опасается покупательница. Раскрыв складной ножичек и надрезав краешек подошвы, он показал матери:

— Смотри, смотри, тут, дорогая, без обману.— Старик поплевал на надрез, размочалил кожу и стал щипать ее ногтями.— Видишь? А картонка сразу б себя показала: раскисла, и все.

Пока он демонстрировал свой товар, вокруг собралась толпа, и мать застеснялась, закивала согласно, пытаясь его остановить:

— Ладно, ладно... Ага... Хорошо, хорошо, я возьму.

Но старик, то ли задетый за живое недоверием, то ли просто решил покрасоваться на публике, проделал ножичком такие же операции на всех трех парах.

— Мне обманывать людей не надо,— заключил он.— Я работаю на совесть. Если я поставил картонку, придешь завтра и отхлещешь меня этим сандалетом. Но ты не придешь, ты будешь носить и благодарить меня сто лет.

Дома мать все-таки понесла покупку на просмотр Карпу. Тот повертел сандалетки перед глазами, поколупал подошву ногтем, заглянул вовнутрь, одобрил:

— Крепкие. Сверху свиная кожа, и стелька кожаная. Надолго хватит.

Утро будто умытое: чистое и прозрачное. Пахнет молодой травой и распаренной землей. На Карповой хате, распушив перья, весело посвистывает скворец. Двор от самого порога до улицы чисто подметен и присыпан белым песком.

Васька поминутно выглядывает в окно, торопит мать, чтобы та скорее гладила его рубаху.

— Успеешь. Куда в такую рань побежишь?

— А как опоздаю? Учительница сказала, чтобы не опаздывали. Построение будет возле школы, и организованно, колонной пойдем на площадь.

— Еще рано. Все вместе пойдем.

— Я их с собой не возьму,— кивнул Васька на младших.

— Со мной они пойдут, не бесись, пожалуйста.

От нетерпения Васька выбежал на улицу посмотреть, идут ли еще люди или уже все прошли на демонстрацию. Идут! На обратном пути взглянул на огород и удивился: маленькое деревце абрикос, ростом с Ваську, было усыпано белыми цветочками.

— Мама! — закричал он.— Скорее идите все сюда! Абрикоса расцвела!

Выбежала мать на крик — испугалась сначала, думала, беда какая. А Васька показывает на абрикосу и твердит свое: «Расцвела! Расцвела абрикоса!»

Окружили они деревце, любуются. А деревце, словно живое, гудит, как басовая струна на гитаре. Это пчелы его облюбовали, деловито перелетают с цветка на цветок, работают мохнатыми желтыми от пыльцы лапками, окунаются рыльцами в чашечки цветков.

Стоит мать, улыбка застыла на лице:

— Сколько радости сразу! Это ж надо так подгадать — как раз на праздник расцвела!

Карпо увидел соседей, по своему огороду подошел к плетню, спросил:

— Шо там у вас за диковина такая?

— Да как же не диковина! Глянь, как раз на Первый май расцвела! А малютка еще...

— А-а...— протянул Карпо.— Рановато она цвет выкинула... Скольки ей, года два-три?

— Да три, наверно, будет.

— Рано. Хруктов не даст.

— Да то ладно! Тут радость — зацвела,— сказала мать и спросила весело: — Чё ж на праздник не собираетесь?

— Микита побег, расскажет потом, шо там будет.

— Вон, Никита уже ушел! — тут же заволил Васька.

— Перестань! — неожиданно сердито прикрикнула на него мать и пошла в дом.— Вот человек! — ворчала она, доглаживая Васькину рубаху.— Непонятный какой-то. Родной брат вашему отцу Кузьме, а совсем другая натура. Тот был, как на пружинах, куда ни пошлют — тут же собрался, побежал или поехал. А этот никуда. Только сопит да ковыряется в своем хозяйстве, как крот. У людей праздник, а он в старой рубахе стоит с лопатой, огород сажать собрался. Хоть Никиту отпустил... Отец ваш, тот за две недели к празднику готовился...

— Скорее, ма...— не выдержал Васька.— Дался тебе этот Карпо.

— Успеешь,— сказала мать и полезла зачемто в сундук. Сунула руку вдоль задней стенки до самого дна, пошарила немного и извлекла оттуда новенькую отцову кепку.— На, померяй... Отец купил себе к празднику, да так и не пришлось надеть...

Васька смотрел на кепку и не верил глазам своим:

— Мне? Можно?..

— Померяй.

Взял Васька пахнущую нафталином серую восьмиклинку, надел осторожно на голову.

— Великовата? — сказала мать.

— Не... как раз.— И Васька укрепил козырек высоко над лбом, боясь, что тот упадет ему на глаза.

— Ну, если как раз, надевай. Да береги отцову память.

Наконец собрались, вышли на улицу. На Ваське черный костюм, на штанах рубчик, как у взрослого, белый воротничок выкинут поверх пиджачка. Идут, похрумкивают новыми сандалетами.

Увидела их соседка Дарья Чуйкина, радостно сказала:

— Вывела своих цыпляток! Перезимовали, значит?

— Перезимовали! — откликнулась мать.— С праздником вас. Что ж не идете на демонстрацию?

— Родя подался... А я потом, прямо на площадь пойду.

Издалека, от станции, музыка доносится, барабан ухает раз за разом: бух-бух, бух-бух... А из Васькиной груди песня рвется, которую играет оркестр:

Смело, товарищи, в но-о-гу!
Духом окрепнем в борьбе-е-е!..

— Ма, я побегу?..— не выдерживает Васька.

— Ну, беги, беги...

Подался Васька во весь дух. Возле школы — девочки с цветами, ребята с транспарантами — все возбуждены, у всех настроение приподнятое, снуют взад-вперед, окликают друг друга, улыбаются, будто век не виделись и наконец-то встретились.

Никита Карпов ходит с горном, продувает трубу, тренируется:

Тру-ту-ту, тру-ту-ту...
Тру-ту-ту-ту, ту-ту, ту-ту...

Увидел Ваську, подмигнул и снова приложил мундштук к губам — надул щеки, дунул так, что глаза покраснели, а звук получился хриплый, негромкий. Сконфузился. А Васька к нему с обидой:

— Чё ж не зашел? Убежал...

— Дак я ж рано... Вот.— И он показал ему горн.

Ваське достался транспарант. Доволен, носит его с достоинством, строго, не машет им, как другие.

Раздалась команда строиться, и все пришло в движение, как на вокзале:

— Пятый класс — сюда, сюда!

— Четвертый, ко мне!

— Девочки, девочки, куда же вы? Не успеете, вернитесь.

— Гурин, с горном, иди вперед, к знамени.

Наконец разобрались, построились, двинулись. Длинное, нарядное шествие потянулось из школьного сада в поселок. Полощется красное знамя, трубит, не умолкая, горн. Вдоль колонны бегают учителя, вожатые, что-то проверяют, уточняют, считают ребят, малышей, поторапливают:

— Не отставайте, ребятки... Подтянитесь!

И тут же враз запели, сначала нестройно, вразнобой, на разные голоса, но вскоре песня выровнялась и зазвучала звонко, торжественно:

**Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы, пионеры —
Дети рабочих!..**

По пути колонна обрастает «неорганизованной» публикой: дедушками, бабушками, мамами, ребятишками-дошкольниками и прочим поселковым людом. Все идут на центральную площадь, где постоянно проводятся митинги и разные празднества.

Площадь эта велика и красива. Это самое высокое и ровное место в поселке, будто ковром зеленым, площадь покрыта густой травой. Вокруг нее разместились больница, клуб, новая семилетняя школа.

Идти на площадь недалеко — пройти переулком, обогнуть ветеринарную лечебницу, и вот она, площадь. Но демонстранты, чтобы удлинить путь, сворачивают на Красную улицу, шествуют по ней до конца, потом сворачивают на Чечеткину и уже с противоположной стороны направляются на площадь. Со всех концов стекаются сюда такие же колонны: идут рабочие кирпичного завода, железнодорожники, у обеих колонн во главе духовые оркестры, начищенные медные трубы сверкают на солнце.

Барабан железнодорожников ухает все громче, под оркестр вся колонна поет торжественно-трогательно:

**Вышли мы все из наро-о-да,
Дети семьи трудовой.**

**«Братский союз и свобо-о-о-да» —
Вот наш девиз боевой!**

Заводской оркестр не уступает железнодорожному, заводчане отчаянно, будто идут на баррикады, бросают в воздух могуче и решительно:

**Марш, марш впере-е-д,
Рабочий народ!..**

У Васьки от волнения перехватывает горло, ему почему-то хочется смеяться и плакать одновременно, он вертит головой, смотрит на сближающиеся колонны, словно они должны сшибиться. Но они подошли к трибуне с двух сторон и, остановившись, продолжали петь и играть.

На временно сколоченной трибуне уже стояли выступающие. Впереди всех быстрый, неугомонный Дмитрий Глазунов — председатель райисполкома. Худой, скуластый, в кепке-восьмиклинке с пуговкой на макушке и с красным бантом на лацкане, он и на трибуне не мог минуты постоять спокойно: то давал какие-то распоряжения, то подходил к самому барьеру и подавал знаки руководителям колонн, чтобы те подводили своих людей поближе, становились кучнее. «У Глазунова кепка почти такая же, как у меня»,— погордился Васька.

Оглядев шумящую площадь, Глазунов снял кепку и поднял руку. Площадь замерла.

— Товарищи! — крикнул он громко и пронзительно и выбросил руку вперед.— Приветствую вас с международным пролетарским праздником Первого мая!.. На Западе и на Востоке рабочий класс поднимает свою мозолистую руку против эксплуататоров всех мастей!..

Говорил Глазунов энергично, зажигательно. Васька слушал выступавшего, и после каждого слова сердце его полнилось гневом и ненавистью к паразитам-капиталистам, к кулакам и подкулачникам. Вскоре он уже перестал воспринимать отдельные слова. Только изредка какие-то фразы доходили до его сознания, но они уже ничего нового не могли прибавить: Васька уже все знал, все понимал, он весь был в том же негодующем и волнующем азарте, что и оратор.

— Из страны нищей, отсталой, аграрной мы превратим нашу Родину в страну промышленную, передовую, индустриальную!..

Оркестр грянул туш, вся площадь зарукоплескала. Васька встрепенулся, захлопал яростно в ладоши.

Просторная отцовская кепка упала ему на глаза, но он не поправлял ее, руки были заняты — он продолжал неистово хлопать.

И думал в этот момент Васька об отце, о кулаках, убивших его, о буржуях и горел желанием сразиться с ними...

А в душе его звучала, нарастая, песня:

**Марш, марш впере-е-д,
Рабочий народ!..**

25 ЛЕТ СЭВа

ОГОНЁК

К ДРУЗЬЯМ НА «ЖИ

Н. ЦВЕТКОВА,
Ю. КРИВОНОСОВ,
Ю. ЛУШИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Юрий КРИВОНОСОВ:

ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ

Какая это все-таки великолепная машина! Для простоты мы называем ее «ноль третья» — вроде бы на первый взгляд и мало чем отличается она от первых двух моделей «Жигулей», а насколько мощней, послушней, комфортабельней. Вести ее — истинное наслаждение, едешь часами — и ни малейшего утомления. Летит под колеса дорога, мотор прямо-таки поет — другим словом его работу и не назовешь. Так случилось, что от Будапешта мне пришлось сесть за руль. Заболел один из наших водителей, и мы созвали большое вече. Судили, рядили, и по всему выходило — надо разделиться. Мы, огоньковцы, выполняя задание редакции, едем дальше — в Белград, а вазовцы, выждав несколько дней, предписанных медициной, догонят нас уже в Софии. И если инструмент и запчасти мы разделили безболезненно, то расставаться было очень грустно, настолько сдружились и привыкли мы друг к другу.

Из Будапешта выезжаем в ясное, солнечное утро. Наш путь идет на юг. Через четыре часа уже пересекаем границу Венгрии и едем по улицам югославского города Суботицы. Позади осталось больше половины нашего путешествия. Для меня этот маршрут особенный, потому что я еду фронтовыми дорогами моих родителей. В Польше и Германии воевал мой отец, а, начиная от Чехословакии и теперь уже до конца путешествия, я буду ехать той самой дорогой, которой прошла моя мать, бывший военный корреспондент газеты 3-го Украинского фронта «Советский воин». По этим дорогам прошли тысячи советских людей — воинов великой армии-освободительницы, которая принесла народам избавление от фашистского ига и открыла перед ними путь к новой жизни. И вот я проезжаю места, известные мне сначала по письмам матери, а потом по ее рассказам. Югославия была третьей «заграницей», откуда писала мне мать: «Мы в Белграде, сынок. У нас спокойно, сейчас не бомбят и не обстреливают. Хожу, разглядываю город, только не везде пройдешь, повсюду «Осторожно, мины!».

И сейчас, перед отъездом, мать наказывала мне обязательно разыскать в Белграде круглую площадь: «Она очень приметная, только названия ее не помню, на нее выходит много улиц — не то пять, не то шесть. Там останавливалась наша редакция...»

Я честно исполнил ее просьбу и, как только мы приехали в Белград, нашел круглую площадь. Может, это была совсем и не та — потом мне встретилось еще несколько похожих. И все-таки я пережил здесь волнующие минуты, вспоминая каждое слово фронтового письма. На желтой стене дома чернела ясная, видимо, нанесенная по трафарету надпись: «Проверено. Мин нет!» Наш русский, саперский автограф. Я посмотрел на табличку у этого дома и записал в блокноте: «Улица Неманина».

См. «Огонек» №№ 14, 15, 16, 17.

Новелла ЦВЕТКОВА:

РОЖДЕНИЕ АВТОРУБРИКИ

Никому из нас бывать в журнале «Свет» до сих пор не приходилось, и мы приготовились к долгим блужданиям. Каково же было наше удивление, когда мы неожиданно обнаружили, что остановились буквально в двух шагах от нужного нам дома. Вот он, дом номер семь на площади Маркса и Энгельса.

Здесь находится редакция журнала «Свет». Собратья по перу из этого журнала будут помогать нам работать в Югославии. Главного редактора Александра Джукановича я хорошо знаю. Много лет подряд он руководил газетой Союза молодежи Югославии «Младость». Мы несколько раз встречались на международных форумах молодежи...

— Саша, а ты не изменился!

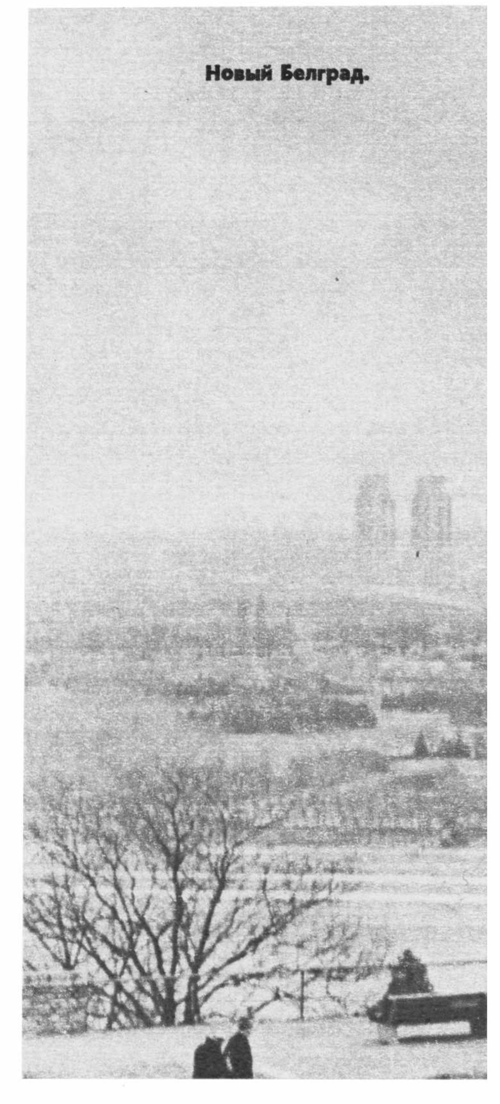
— Ну что ты! Скажи мне, кого видела из наших ребят? Где теперь работает Пенка Караиванова? Что слышно про Ежи Феликсяка, говорят, он работает дипломатом где-то в Латинской Америке?

Комсомол познакомил меня с этим простым, сердечным журналистом из Югославии, с болгаркой Пенкой, с поляком Ежи, который действительно теперь работает в посольстве, но не в Латинской Америке, а в Париже. Нас подружили когда-то коммунистические союзы молодежи, и всякий раз, когда судьба дарит мне встречу с кем-то из них, я думаю о том, какое же это прекрасное братство!..

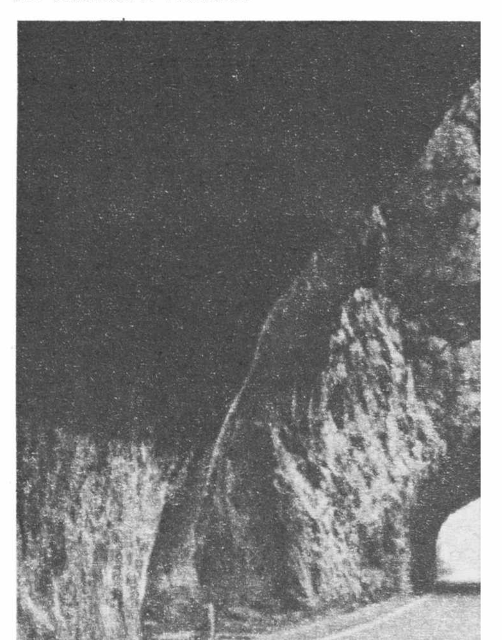
— Ты права, комсомол нас действительно побратал, и это незабываемый рубеж в моей жизни,— говорит главный редактор белградского еженедельника «Свет».— Я очень рад, что ты теперь увидишь мою страну и сможешь убедиться, как крепка дружба наших народов. Здесь помнят и никогда не забудут дни, когда советские воины вместе с югославскими изгнали фашистов.

Подробно расспросив о наших

ПРОВЕРЕНО
МИН НЕТ.
10–44.

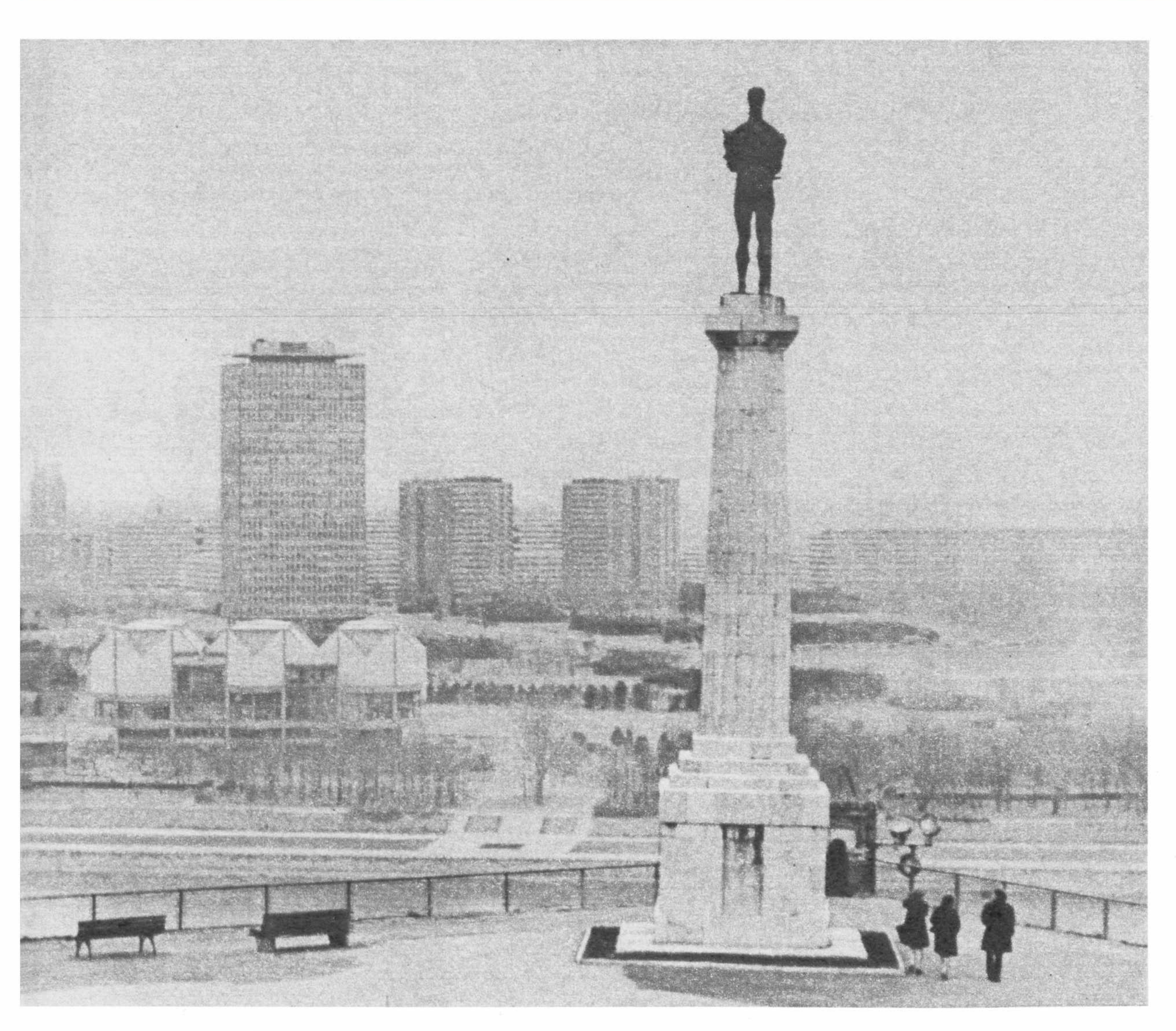

Новый Белград.

Из тоннеля в тоннель.



гулях»

БЕРЛИН
ФРАНКФУРТ-НА-ОДЕРЕ
ВАРШАВА
БРЕСТ
МОСКВА
ЛЕЙПЦИГ
ВРОЦЛАВ
КАТОВИЦЕ
КРАКОВ
ЗОННЕБЕРГ
КАРЛОВЫ-ВАРЫ
ПРАГА
БРАТИСЛАВА
БУДАПЕШТ
ВЕСПРЕМ
СЕГЕД
ОРЕЛ
КИЕВ
ЧЕРНОВЦЫ
ТОЛЬЯТТИ
СУЧАВА
БУХАРЕСТ
БЕЛГРАД
ВЕЛИКО-ТЫРНОВО
РУСЕ
КРАГУЕВАЦ
НИШ
ВАРНА
СОФИЯ
ШИПКА
БУРГАС



планах, Александр Джуканович тут же предложил:

— Вот что, друзья, давайте сегодня вечером посидим где-нибудь и поговорим по душам. Я думаю, вам будет полезно познакомиться с редактором авторубрики в нашем журнале. Да, да, есть у нас такая рубрика! Ее рождение — веление времени. Вы еще не попадали в час «пик» где-нибудь в центре Белграда?

— Нет, не приходилось.

— Так вот, чтобы разговор с редактором нашей авторубрики не выглядел теорией, оторванной от жизни, попробуйте покататься сегодня же в пиковое время.

Но в «пиковое время» произошло чрезвычайное событие. Средь бела дня, во время товарищеского обеда, который дал в честь нашей огоньковской бригады заместитель республиканского секретаря по информации Сербии, ИСЧЕЗЛА НАША МАШИНА!

Первым обнаружил пропажу Юрий Лушин. В прекрасном послеобеденном настроении он подошел к месту нашей стоянки и увидел на тротуаре на месте машины... впрочем, ничего не увидел. Не веря своим глазам, он посмотрел по сторонам. Да, это было то самое место, где всего два часа назад мы оставили наши «Жигули» — он хорошо запомнил этот столб с надписью: «Стоянка издательства «Политика».

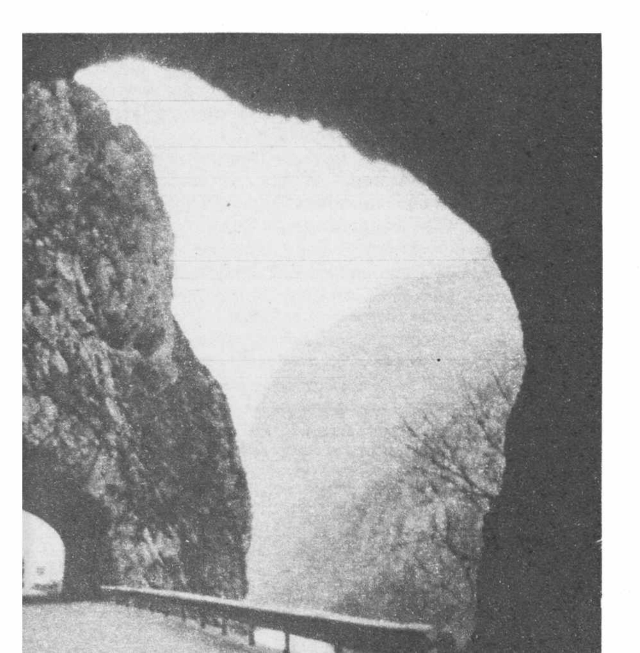
— Вы, конечно, можете смеяться, но машины нет! — объявил он нам и сам удивился своему спокойствию.

На глазах изумленных белградцев Юрий Кривоносов прыжками кенгуру метнулся к злополучному столбу. Розыгрыша не было — машина действительно исчезла...

Из разговора с милиционером стало ясно, что машину увез «паук»: мы оставили ее в неположенном месте и теперь можем получить ее, только уплатив штраф.

Пришлось отправиться на склад «арестованных» автомобилей и вступить в переговоры с представителями этой службы. Все закончилось благополучно. Мы были амнистированы — во-первых, как гости издательства, со стоянки которого увезли машину, а во-вторых, как гости Белграда. И тут-то мы познакомились с самим «пауком», прибывшим с очередной жертвой. Грозой автомобилистов оказался грузовик, оборудованный стальными паучьими лапами с мощными гидравлическими мышцами. Принцип действия таков: лапы обхватывают легковушку, поднимают ее, ставят в свой кузов и спокойненько увозят в «холодную». Эта простейшая технология весьма высоко оплачивается пострадавшими.

Сборщица завода «21 Октября» Надя Янкович.



Вечером в уютном кафе в новом Белграде, куда пригласили нас Александр Джуканович и его друзья, «коронной темой» была наша схватка с «пауком».

— Ну что же,— добродушно посмеиваясь, сказал Душан Тешич — редактор авторубрики в журнале «Свет»,— кажется, сейчас вы уже немного подготовлены к тому, что я хочу вам рассказать о приключениях в Югославии автомобиля.

Так в нашем репортаже появились эти строки.

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ ЖУРНАЛ

Душан ТЕШИЧ:

«ФИЧА» И ДРУГИЕ

Забавный вопрос поставили вы передо мной: «Почему в журнале «Свет» появилась авторубрика?» Увы, и югославы заразились одной из самых «страшных» болезней века — автомобилизмом. Когда многие сидят по вечерам дома, складывая, деля, умножая и вычитая, когда изобретаются невиданные и еще никому не известные способы приобретения аппарата на четырех колесах, мы считаем необходимым объяснить людям, какой автомобиль они могут купить.

Этот волшебный аппарат, который расходует волшебную жидкость, известную во всем мире под названием «бензин», доставляет нам кучу неприятностей. Но, невзирая на это, сын пишет отцу на село, чтобы тот продал пару волов и купил хотя бы самый маленький автомобиль — нашу «Фичу» («Застава-750»), если волов не хватит на большее число лошадиных сил! К сожалению, настоящие кони уже не в цене, а следовательно, обмен «так на так» невозможен.

А если говорить серьезно, то моторизация принесла нам огромное количество проблем во всех больших городах и прежде всего в Белграде. Именно поэтому мы опубликовали мнения самых известных и самых компетентных специалистов нашей столицы. Интересно, что даже и они придерживались разных точек зрения. Одни предсказывали полный крах всего уличного движения в Белграде уже в 1975 году. Другие считали, что об этом не стоит и говорить и нужно придумать, как рассосать страшные пробки в то время, когда люди возвращаются с работы.

Наш журнал обратился к читателям с анкетой, и было установлено, что в большинстве случаев в автомобилях, которые по утрам и вечерам создают на улицах города невообразимый хаос, находится один человек — водитель.

Вполне логичный вопрос: почему они, владельцы автомашин, не пользуются общественным транспортом? По всем показателям в этом случае они быстрее добрались бы до места работы. Увы, наши средства общественного транспорта в действительности не что иное, как движущиеся остановки. Они неотъемлемая часть общего хаоса движения. И вполне естественна реакция обладателей автомобиля: «Если все-таки я вынужден стоять на месте или двигаться со скоростью пешехода, тогда не лучше ли делать это в своем собственном автомобиле, чтобы не толкаться?»

Предположим, что человек на это решился и добирается до работы вовремя, но тут же возникает еще одна проблема, как найти место на стоянке? Решая эту шараду, наш автомобилист все равно опоздает на работу и в отчаянии решится, конечно, на единственный выход — он ставит машину на место, запрещенное для стоянки. Но неумолимый «паук», с которым вы уже лично знакомы, тут же доставляет автомобиль туда, откуда его можно будет забрать, лишь уплатив немалый штраф.

Итак, как видите, проблем существует очень много, и мы в Белграде все чаще стали задумываться о метро, которое в Москве решило транспортные проблемы.

А теперь несколько слов о виновниках уличных заторов — об автомобилях. Самый крупный наш автозавод — «Застава» в Крагуеваце — в прошлом году произвел почти сто двадцать тысяч автомобилей. В 1974 году будет ввезено в нашу страну достаточное количество «Шкод», «Жигулей», «Вартбургов», а в Загребе будут собирать новый «Фиат-132». Обо всех этих машинах, о том, как следует их эксплуатировать и как ухаживать за ними, я пишу в нашей авторубрике.

* * *

...Как близки славянские языки — вот и поговорили по душам с Душаном! А потом мы слушали чудесную народную песню, которую он пел вместе с Сашей Джукановичем. От нашего застолья песня шагнула к соседнему, а вот она уже кружит в танце пожилого человека в рубахе, расшитой ярким национальным орнаментом, и молоденькую красавицу в юбочке-мини и стройного юношу. А музыканты играют все быстрее и быстрее...

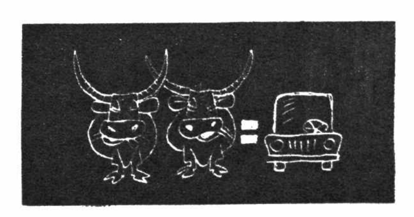
Мы не заметили, как Душан подозвал одного из них и что-то шепнул. Вмиг все стихло, и в наступившей тишине медленно и нежно скрипка повела знакомую мелодию «Калинки».

Наигрывая все громче и быстрее, музыканты подошли к нашему столу. На нас смотрели, нам улыбались со всех сторон.

— Ну что же, ребята? Давайте! — подбадривал Саша Джуканович.— Начинайте, а мы подтянем

И мы запели. Честное слово, никто из нас даже не представлял что может петь вот так, при всем народе. Может быть, наше «трио» не очень звучало, но пели мы от души. Музыканты исполняли одну песню за другой — «Катюшу», «По долинам и по взгорьям», «Песню о Щорсе», «Орленка». И вместе с нами пели и Александр Джуканович, и Душан Тешич, и совсем незнакомые люди.

Оказывается, многое, очень многое могут рассказать песни! Давным-давно родились они далеко от этих мест, но здесь их знают, любят, потому что сохранила их и сберегла память сердца народа.



Новелла ЦВЕТКОВА:

ПРОГУЛКА ПО БЕЛГРАДУ

Сегодня с утра — встреча в Институте перспективного планирования Белграда. Это не так далеко от нашей гостиницы, и мы решили пройтись пешком.

...Гористая узенькая улочка ведет вниз, к площади, до самых краев заполненной яркими машинами. В институте нас поджидали четверо сотрудников: двое мужчин — Милутин Главички, руководитель сектора городской планировки и инженер-транспортник Батрич Джукович, — и две женщины: архитектор Вера Паунтович и сотрудница журнала, который издает институт, Милица Янич.

Наша просьба рассказать о том, как они ведут борьбу с автомобилем, вызвала веселое оживление.

— Вы попали в самую больную точку! — заметил инженер-транспортник.— Как ни парадоксально это звучит, но сегодня наша главная беда — рост личного транспорта.

Джукович отлично говорил по-русски, и мы поинтересовались, где он этому научился.

— Я много раз бывал в вашей стране: в Москве, Ленинграде, Волгограде, а в Одессе прожил почти целый год!

— Почему именно в Одессе?

— Меня интересует проблема организации водного транспорта. Я пишу сейчас кандидатскую диссертацию на эту тему. Может быть, вы знаете Анатолия Союзова из украинской Академии наук? Он мне очень помог в работе... А фамилия Белоусов вам тоже ничего не говорит? Владимир Белоусов — директор института градостроительства и мой хороший друг.

— А у меня, пожалуй, самый любимый город — Киев,— говорит Милутин Главички.— Я как-то сразу в него влюбился, едва увидел со стороны Днепра крыши его домов и верхушки церквей. Волгоград поразил меня подвигом архитекторов и строителей, ведь все здесь создано заново!

Мы поинтересовались, каким представляют архитекторы идеальный город.

— Он должен прежде всего иметь отличную планировку.

— ...и сохранять национальный колорит страны!

— У него непременно должны быть хорошие «легкие»: много зелени, водные бассейны, стадионы.

— И отлично организованный транспорт! Человек, а не машина должен быть хозяином на улицах города.

— В общем, если собрать все высказывания вместе,— с улыбкой говорит руководитель сектора городской планировки,— то это и будет наш Белград в двухтысячном году!

Он берет в руки указку и подходит к огромному, во всю стену, чертежу города: перспективный план развития Белграда до начала XXI века.

— Вы, наверное, обратили внимание на то, какой пестрый в архитектурном отношении наш город? — спрашивает Милутин Главички.— Это результат тяжелого прошлого: много раз столицу разрушали пожары и войны. До второй мировой войны существовало несколько планов застройки Белграда. Суть их была одна — улучшить центр, где находились королевский дворец и правительственные здания. В 1950 году принят первый за всю историю города план, который исходил из одной задачи: ликвидировать последствия социального неравенства. Сразу после освобождения в городе насчитывалось 250 тысяч жителей. Сейчас — 1 200 тысяч! В старой, исторической части Белграда живет 800 тысяч человек. Плотность населения практически достигла предела. Значит, нужно было более рационально освоить территорию нового Белграда. Взгляните — вот тут, на болотистом левом берегу Савы, двадцать пять лет назад начал расти новый город. Сейчас там живет 130 тысяч человек, а к концу застройки будет вдвое больше!

— Когда мы начали строить новый Белград, никто не мог и предположить такого бурного скачка автомобилизации! — вступает в разговор инженер-транспортник.— Генеральный план предусматривает строительство новых дорожных магистралей. Это, конечно, разгрузит город от машин, но, боюсь, не решит проблему до конца...

— Увы, мы, архитекторы, не в состоянии убедить людей не жертвовать семейным бюджетом во имя покупки этого идола XX века — автомобиля,— говорит Вера Паунтович.

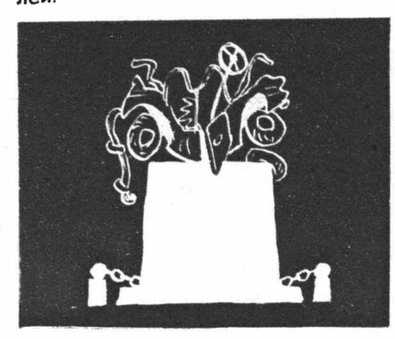
— Вы все противники автомобиля? — на всякий случай поинтересовались мы.

— Отнюдь нет! — ответил Милутин Главички.— Пусть автомобиль помогает человеку хорошо проводить выходные дни! Ведь придет такое время, когда машина будет у каждой семьи. Но жизнь города все-таки должен регулировать хорошо организованный и дешевый городской транспорт! Когда это будет? Когда мы построим метро! Думаю, белградцев не нужно будет убеждать, что гораздо удобнее ездить на работу таким способом.

КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА КРАГУЕВАЦА

От Белграда до Крагуеваца нет и полутора сотен километров, но друзья из журнала «Свет» провожали нас в эту поездку так, словно мы собирались по крайней мере на другой конец Европы. «Во-первых, во-вторых и в-третьих, ни в коем случае не гоните машину. Будьте предельно осторожны!» — напутствовали нас.

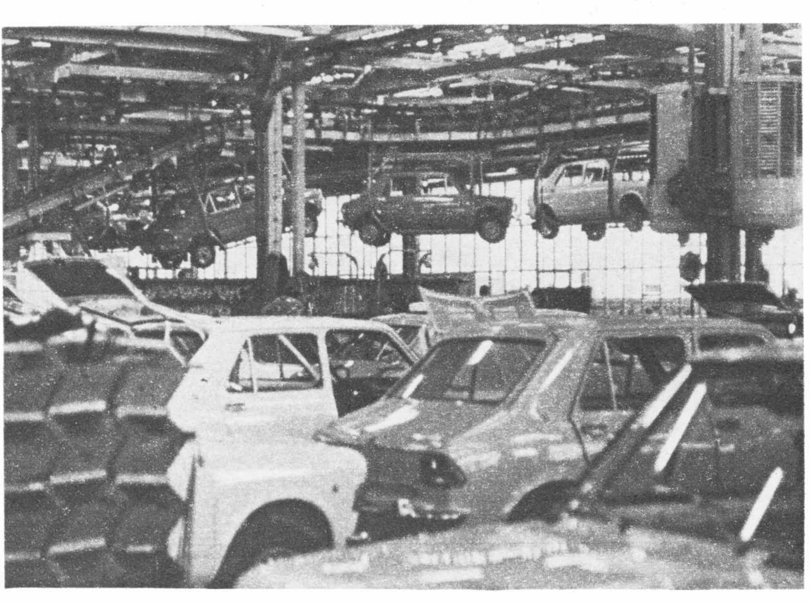
Мудрость этих наставлений мы осознали сразу же. Сначала нам попался на глаза сплющенный «ситроен». Через несколько километров в стороне от дороги промелькнул ободранный остов перевернутого грузовика. Когда же обнаружилось еще два-три подобных придорожных натюрморта, мы вырвали из блокнота страницу, написали: «Тише едешь — дома будешь!» — и молча прикрепили листок на переднее стекло машины. Это возымело действие: наш водитель в Югославии Юрий Кривоносов снизил скорость со ста сорока до ста двадцати. Впоследствии мы поинтересовались, для чего здесь сохраняют вдоль дорог подобные «памятники», и нам объяснили, что они действуют самым убедительным образом на водителей.



...Удивительно красочны и поэтичны лесистые холмы Шумадии! Когда-то эти края стали центром борьбы сербов за освобождение от турецкого ига. Город, в который мы едем, еще в начале прошлого века был первой столицей освобожденной Сербии. Из своего крагуевацкого двора, обнесенного высоким дубовым частоколом, князь Милош Обренович рассылал гонцов во все концы, и по его приказу в 1833 году из Белграда в Крагуевац была перевезена типография, купленная в России. Секретариат по информации скупщины Сербии включил в программу работы огоньковской бригады поездку в Крагуевац на автомобильный завод «Црвена застава», а по-русски — «Красное знамя».

Этот город не случайно оказался на карте нашего путешествия по Югославии. Уже несколько лет завод «Црвена застава» связан с Волжским автозаводом и заводом в Варшаве, где производится польский «Фиат». Более десяти лет Югославия сотрудничает со странами Совета Экономической Взаимопомощи, в итоге заключено около пятидесяти соглашений о

Архитектор Милутин Главички



Конвейер завода «Црвена застава»

кооперации и специализации производства. «Црвена застава» — один из примеров этого делового сотрудничества.

Крагуевац. С трех сторон к нему спускаются пологие склоны невысоких гор. Совсем низко плывут в синеве неба облака, и город, такой просторный и светлый, выглядит празднично, молодо, несмотря на свои пятьсот лет. Не спеша проезжаем центр. Вот дом, где когда-то открылась самая первая в Сербии гимназия, а это — предшественник Белградского университета — Лицей и здание самого первого сербского театра. Но все это было в веке минувшем, девятнадцатом. А в двадцатом город совсем неожиданно прославила легковая машина, которую люди назвали «Застава» — «знамя».

— Известна ли вам родословная первой машины, сделанной в Югославии? — спросили нас на заводе «Црвена застава». Мы не знали ее, и тогда начальник отдела развития производства Любомир Тошевски (он три года учился в Ленинграде) положил на стол книгу.

— Полистайте ее, тут есть любопытные страницы.

Оказывается, первая машина отечественной марки родилась на заводе, где до тех пор в течение ста лет отливали пушки, изготавливали сабли, винтовки и пулеметы!

— Я приехал в Крагуевац работать на восстановленном Оружейном заводе в 1953 году, как раз в год рождения здесь автомобильной промышленности,— вспоминает Любомир Тошевски. — На весь город было тогда десять легковых машин, вместе с директорским «оппелем». На заводе числилось пять тысяч рабочих (сейчас 25 тысяч!) и всего шестнадцать инженеров (сегодня их 1 700 человек). Мы начали с переоборудования цехов, где прежде делалось оружие, нужно было подготовить их к выпуску новой продукции. Никто из нас, включая генерального директора, никогда прежде не бывал на автозаводах...

— Значит, все начиналось от нуля?

— Я бы так не сказал, ведь у нас был энтузиазм, у нас была беззаветная вѐра в автомобиль!

«Мне никогда не забыть энтузиазма наших людей. Заработки небольшие, ютились мы в бараках и комнатушках. Заводу требовались молодые специалисты, а их еще не было. Трудились круглосуточно, и женщины ревновали, не веря, что мужья все время проводят на заводе... Сколько раз мне приходилось быть «крестным отцом» младенцев, сколько раз я мирил молодоженов и уговаривал специалистов остаться в Крагуеваце!» — эти строки написаны в «родословной» завода «Црвена застава» его первым генеральным директором Праворславом Раковичем.

Это было начало. А теперь территорию главного завода не объедешь и за час! 150 тысяч автомобилей в год производит «Црвена застава» вместе с девятью предприятиями, которые вошли в его семью.

Нас познакомили с Петером Ровчанином — директором завода «21 Октября». Это «дочернее» предприятие завода «Црвена застава». Высокий, крутоплечий, он повел нас прямо в цех, где выпускают продукцию для наших «Жигулей».

В 1969 году «Црвена застава» подписала с ВАЗом соглашение о сотрудничестве, а через год отсюда уже пошли детали на «Жигули» — тридцати наименований. В том числе печи отопления и радиаторы.

— Мы очень довольны сотрудничеством с заводом в Тольятти,— говорит директор.— Судите сами, в 1970 году наши поставки были на 345 тысяч долларов, в этом году — достигнут 4 миллионов! Рабочие хорошо понимают, как важна для нас кооперация с Волжским автозаводом. С ней связаны перспективы роста нашего производства и в конечном счете — заработок. Сбой на конвейере у нас — значит, остановка в Тольятти и на Варшавском автомобильном заводе, куда мы также поставляем свою продукцию. Люди трудятся добросовестно, с любовью. Каждый год к нам приезжают работать польские автомобилестроители, а наши товарищи ездят в Варшаву и Тольятти.

— Как вам представляется будущее кооперации завода «Црвена застава» с социалистическими странами?

— Будущее? Оно не так уж далеко. Если сейчас мы осуществляем кооперацию с Советским Союзом и Польшей на основе обмена деталей и автомобилей, то в дальнейшей кооперации возможна совместная работа конструкторов, технологов и в конце концов может быть создан новый, современный и дешевый автомобиль! Наверное, когда это случится, «Огонек» снова отправится в путешествие на новых машинах? — с улыбкой поинтересовался директор.

Мы переглянулись. А что же, это было бы замечательным завершением наших репортажей о большом конвейере Совета Экономической Взаимопомощи!

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОСТУЖЕВА

ВСПОМИНАЯ ОСТУЖЕВА

И. ПОЛОНСКАЯ

Как-то не связывается имя Остужева с юбилейной датой — столетие... Остужев — это сама молодость, это всегда горящее сердце, это очаровательный, пылкий, вечно юный, своеобразный человек. Сто лет Остужеву... А в памяти людей, знавших его даже в последние годы жизни, он остается молодым.

Мне посчастливилось: я помню его с 1916 года, то есть более 50 лет. Моя мать, всегдашняя его партнерша, Вера Николаевна Пашенная, часто водила меня на спектакли Малого театра. Конечно, не все роли Остужева я могла запомнить, но его Орест в пьесе «Электра» Гофмансталя, Чацкий в «Горе от ума», красавец Бассанио в пьесе Шекспира «Венецианский купец» остались в памяти. Помню свое волнение, когда Бассанио должен выбрать один из трех ящиков: в одном из них портрет Порции, ее играла В. Н. Пашенная. Решается судьба любящих сердец: угадавший вместе с портретом получает и руку Порции.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, в моих глазах встает образ стройного красавца. Голос его звучит трепетно. Он глубоко вздыхает, а потом слышится его радостный возглас, когда, угадав, он получает желанную награду. Как романтичен был Остужев в этой роли и как вместе с тем был правдив, искренен!

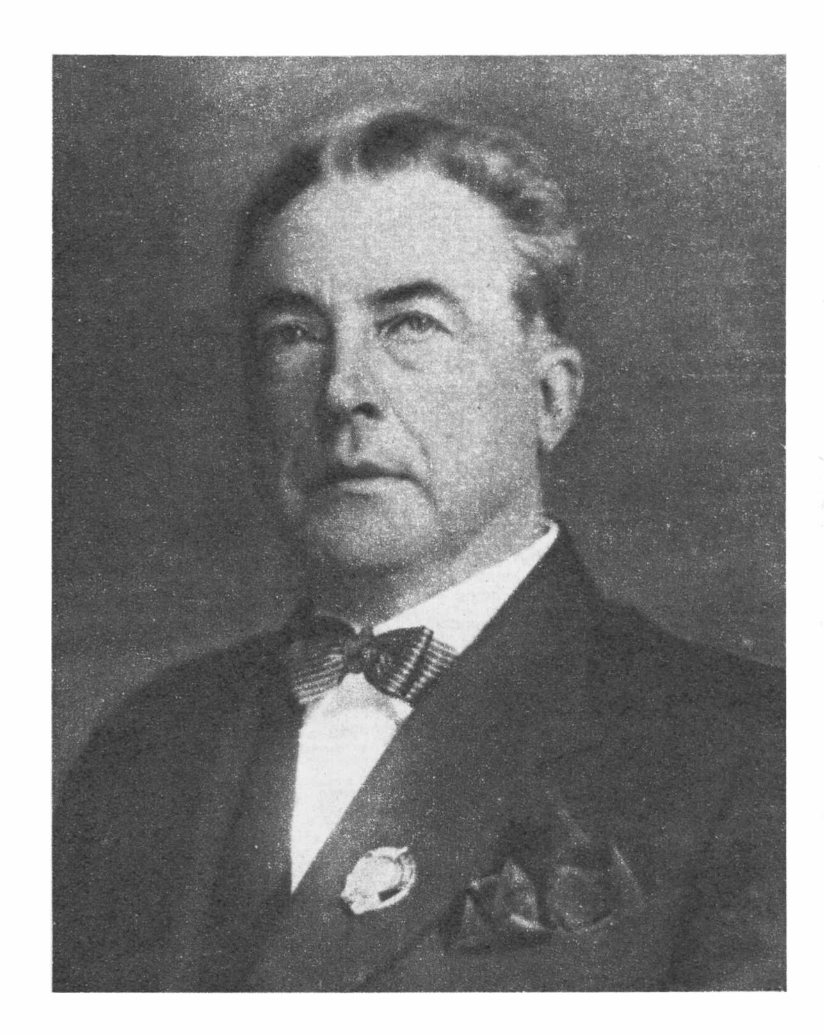
Сочетание романтики и подлинной большой правды всегда было основой творчества Александра Алексеевича Остужева... В первые годы революции я видела пьесу Островского «Без вины виноватые» с Ермоловой — Кручининой и Остужевым — Незнамовым. Спектакль был шефский, он шел для красноармейцев в театре на площади Пушкина. Сейчас и в помине нет этого здания, а тогда маленький, нетопленный зал был переполнен. Остужев, впрочем, как и большинство актеров Малого театра, никогда не отказывался играть в самых различных клубах и театрах для нового, советского зрителя... Во время последнего акта, в сцене, когда Кручинина находит сына, зал плакал навзрыд. Трепетно-нежно звучал голос Остужева: «Матушка, мама, мама». И ему отвечал такой же проникающий в душу голос Ермоловой...

Я не была близко знакома с Остужевым, но на сцене Малого театра и мне посчастливилось играть в спектаклях с ним. Первой моей ролью была роль Максимилиана — младшего брата наследного принца Вельтландии в забытой ныне пьесе Б. К. Рынды-Алексеева «Железная стена», где Остужев играл наследника престола, влюбленного в девушку-революционерку. Ради нее под именем студента Фреди Рук он приходит в подпольный революционный кружок. Тут, не вполне доверяя «студенту», его решили испытать: тянут жребий, кто-то должен убить короля-тирана, и жребий достается Фреди...

Короля великолепно играл А. И. Южин. Голос Остужева звонок, он весь дрожит, бросая отцу обвинения: «Вы Нерон, мечтающий, чтобы народ имел одну голову, дабы отрубить ее сразу!» Но наследник не в состоянии выполнить до конца свой долг, и, видя это, девушка, проникшая в кабинет, убивает короля. Тут в игре Остужева наступает перелом: горячо любящий Фреди уступал место принцу — теперь уже королю Вельтландии.

Нелегко ему отказаться от любимой, но приходится. И новый король дает знак увести девушку, а сам гордо шествует среди склонившихся перед ним придворных... Предельно честный и чистый человек, Остужев не любил роль «этого негодяя», как он говорил нам о своем герое.

Еще одна сценическая встреча — «Собор Парижской богоматери», где Остужев играл Квазимодо. Мы привыкли видеть его «красавцем», и нам было немного грустно видеть его уродом. А грим у него был поразительный. Трогательно звучал его дивный голос, когда он просил: «Пить, пить...» Мы, игравшие школяров, издевавшихся над ним, человеком, привязанным к позорному столбу, чувствовали себя при этой просьбе как-то неловко и старались поскорее уйти... А как звучал его голос, когда он уносил Эсмеральду в собор, требуя убежища... Как трогателен был, когда оберегал девушку и старался не испугать ее своим видом! Остужев тут был прекрасен, даже в своем уродстве, и зрительный зал воспринимал его с любовью и нежностью.



Наконец встреча в «Аракчеевщине» И. С. Платона... Сын Минкиной, убитой крестьянами за ее жестокость, жалеет крестьян, понимает их ненависть к своей мучительнице. В нем происходит борьба; нежно гладит он голову девушки, взявшей на себя вину. И какая боль звучит в его голосе, когда он говорит «взять ее, разбойницу»!..

Я рассказываю именно о забытых пьесах и ролях, но разве все их перечислишь? Среди них была и шутка в одном действии Персианиновой «Последний жемчуг». Блестящее трио играло эту вещицу: Яблочкина, Рыжова и Остужев.

Остужев великолепно играл «аристократа», и столь же великолепно прорывался в нем «настоящий» жулик. Умел он быть и острохарактерным. Его огромное дарование вмещало и это амплуа.

В жизни Александр Алексеевич был столь же обаятелен, как и на сцене. Он увлекался столярным и слесарным ремеслом. Дома у него была целая мастерская, где он «отдыхал», что-то мастеря. Он был весел, общителен, оптимистичен. Когда в Москве было холодно, так как не работало отопление, актеры часто жаловались, что в квартирах холодно, температура нулевая и даже минусовая. А он отвечал: «У меня 5 градусов тепла: в одной два, в трех по градусу и только в прихожей мороз»...

Однажды, наколов палец костью воблы, он со свойственным ему темпераментом «наказал» «виновную», прибив ее гвоздем к стене, и не позволял друзьям снять рыбу.

Остужев искал интересные встречи, любил узнавать людей и их жизнь. Играл в самых отдаленных районах и клубах всегда с полной отдачей, как на сцене своего родного театра. И никогда не позволял себе сокращать текст, небрежно одеться и загримироваться, как это делали (что греха таить) некоторые актеры.

Его трагедией была глухота, с годами она делалась все ощутимее. Поэтому он учил не только свою роль, но и роли партнеров и всю пьесу. И виртуозно скрывал за этим знанием свою глухоту — можно было только удивляться его мастерству.

Но особенно поразительна была последняя работа, над Отелло...

В своей книге «Искусство актрисы» Пашенная вспоминает: «Как живой стоит передо мной Остужев — Отелло. Мы очень много вместе играли, и я всегда очаровывалась большим темпераментом и глубокой жизненной правдой, которые отличали искусство этого прекрасного артиста. Но в «Отелло» Александр Алексеевич Остужев раскрылся во всей мощи своего дарования и доказал, что Малый театр передает из поколения в поколение подлинную, высокую романтику и что заветы и творчество Мочалова, Ермоловой, Ленского составляют одну из истинных традиций Малого театра».

Я была поражена исполнением Остужева. Он будто помолодел, никогда ему нельзя было дать его лет. Особенно потрясало благородство героя, его страстная любовь к Дездемоне, его сомнения, отгоняемые им от себя. Все это было необыкновенно правдиво. Особенно когда он, приходя в отчаяние, говорил: «Черный я»,— хотелось просто закричать: да нет же, нет, никого нет прекраснее, добрее, лучше тебя...

Часто артисты, даже такие великолепные чтецы, как Андроников, пытаются воспроизвести голос и интонацию Остужева. Во мне это вызывает протест. Нельзя повторить этот голос, самую музыкальность речи... Ни один, даже самый талантливый имитатор не может воспроизвести звучание голоса Остужева... Нельзя, не исказив, повторить этот голос...

Лебединой песней Остужева и стал его Отелло. 1 марта 1953 года угас этот изумительный актер — гордость и украшение русской сцены.

А. Грицай. ПЕРВЫЕ ДНИ МАЯ.

А. Грицай. Ленинград. ЛЕТНИЙ САД.

Выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

ОТКРЫТКА, ИЗДАННАЯ РСДРП

В семейной библиотеке стеблевских врачей Марии Ефимовны и Ивана Андреевича Лавриненко (ныне покойных) найдены ценные архивные материалы.

Внимание привлекает почтовая фотооткрытка, изданная Российской социал-демократической рабочей партией в начале века в Берлине. На ней изображены ленинская газета «Искра» и портрет Карла Маркса. Рядом брошюры: «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, «К деревенской бедноте» В. И. Ленина и другая революционная литература. Слева — букет из гвоздик и листьев папоротника, перевязанный лентой, — символ борьбы за свободу и независимость. Вверху оригинальным шрифтом (имитация под чеканку на граните) напечатан девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Внизу тем же шрифтом указано, где и кто издал открытку. К сожалению, даты выпуска нет. Правда, об этом можно догадаться по изображенным брошюрам. На оборотной стороне — подписи на русском и французском языках: «Всемирный почтовый союз. Россия. На этой стороне пишется только адрес».

Открытка, на наш взгляд, крайне интересна. Она говорит о роли заграничных изданий РСДРП в распространении научного коммунизма в нашей стране до революции.

С. ХАВРУСЬ

Стеблев, Черкасской области.

Райна Велчева-Млеканова и врач Галина Константиновна Чаплинская. Фото И. Свериды.

ДВЕ РОДИНЫ БЛИЗНЕЦОВ

Когда Райна Велчева-Млеканова готовилась стать матерью, ничто не предвещало особой тревоги: до заветного дня оставалось достаточно времени, чтобы проехать из Кракова, где она вместе с мужем Иорданом училась в художественной академии, в родной Пловдив. К тому же в путь она отправлялась в сопровождении отца.

Маршрут международного экспресса Варшава — Бухарест — София пролегает через западные области Украины. Ночью, когда поезд, миновав Черновцы, подходил к небольшой советской станции Вадул Сирет, у Райны начались предродовые схватки. Отец и дочь обратились в привокзальный медпункт, и через несколько минут машина «Скорой помощи» доставила роженицу в отделение Глыбокской районной больницы. Здесь ее встретили опытная акушерка Анна Алексеевна Молванюк и заведующая отделением врач Надежда Степановна Павленко. Отец Райны, Никола Велчев, остановился неподалеку в гостинице. Когда утром он пришел проведать дочь, его поздравили с двумя внуками.

...С Райной и ее отцом мы встретились в больнице уже перед их отъездом на родину.

— Хочу поблагодарить весь персонал родильного отделения,— сказал взволнованно Никола Велчев,— и всех советских товарищей за теплоту и заботу, которыми они окружили нас.

Местные комсомольцы подарили Райне огромных мишек-близнецов. Исполком Глыбокского райсовета депутатов трудящихся преподнес новорожденным два комплекта детского приданого.

— Своих первенцев,— говорит Райна,— мы с мужем решили назвать именами их дедов — Васил и Никола. У них будут две родины — Болгария и Советский Союз,— добавляет она и показывает свидетельство с государственным гербом СССР, в котором значится, что эти граждане народной Болгарии родились в поселке Глыбокая, Черновицкой области, Украинской ССР.

П. ЗАИКА

Черновцы.

ИНТЕРЕСНАЯ ШКАТУЛКА

Мне подарили шкатулку очень тонкой, я бы даже сказал, ювелирной работы. Необычна ее форма: 9 томов книг, поставленных вертикально на одну большую книгу — основание. Крышкой служит вторая такая же книга, инкрустированная кусочками дерева. На ней надпись: «А. Чехов». Основание снизу оклеено зеленым сукном, под которым замаскирована кнопка; если ее нажать, выскакивает небольшой потайной ящичек. Предположительное время создания шкатулки — рубеж XIX и XX веков.

Как утверждают работники Дома-музея А. П. Чехова в Ялте, шкатулка не являлась собственностью писателя, но «она была сделана по заказу для хранения 10-томного издания произведений Чехова (1-е издание А. Маркса, 1901 г.)».

А может быть, с нею связано какое-либо событие в жизни А. П. Чехова, его родных или друзей?

В. ПЕТРАЧКОВ

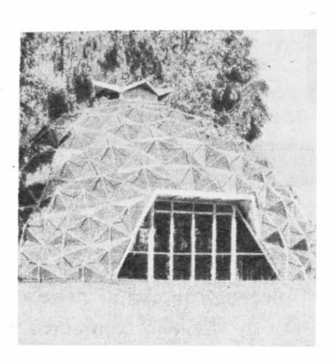
Брянск.

«РУБИН» СРЕДИ БЕРЕЗ

На березовой опушке вырос сказочный круглый домик... Впрочем, сказка эта называется просто и буднично: эксперимент. А вырос необычный домик благодаря стараниям преподавателей и студентов Горьковского инженерно-строительного института.

Началась эта история еще в 1949 году, когда одному из видных советских архитекторов, профессору М. С. Туполеву, был выдан патент на разработку кристаллической купольной системы. К сожалению, дома-куполы у нас в стране с тех пор почти не строились, и горьковским конструкторам пришлось многое разрабатывать самостоятельно. Решено было избрать новый — двухконтурный, то есть двухслойный, — вариант купола из металлических и деревянных конструкций. Члены студенческого научного общества проводили эксперименты, опробовали методы монтажа. Двор вуза стал строительным полигоном...

Вывозили готовый купол на двух грузовиках. В разобранном виде он выглядел вполне компактно: детали входили одна в другую и не занимали много места, хотя только треугольных граней в конструкции 180 штук.



Вот он, купол «Рубин».

Так на берегу Горьковского водохранилища, на территории спортивно-оздоровительного лагеря, обосновалось красивое и удобное сооружение. За свой ярко-вишневый цвет купол получил название «Рубин». Такой купол мог бы стать и приютом для туристов, и своеобразным коттеджем, кинозалом, клубом или столовой. В общем, профессий у «Рубина» может быть множество, его размеры (диаметр сферы — 14,6 метра, высота — 6 метров) позволяют использовать купол и в сельском хозяйстве — для складов и на стройках — для временного жилья.

Г. ПАВЛОВ,
доцент Горьковского инженерно-строительного института имени В. П. Чкалова.

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

БЫВШИЕ

ДЛИННЫЕ РУКИ «СОХНУТА»

Да, и на земле западноевропейских стран многие беженцы из Израиля все равно смертельно боятся, как они выражаются, длинных рук «Сохнута». Мне довелось читать в шведских и австрийских газетах, как терроризируют сохнутовцы в Риме бежавших из Израиля бывших граждан социалистических стран. Особенно беспощадно расправляются агенты «Сохнута» со многими из тех, чьи имена упоминает иностранная пресса, рассказывая о тяжкой и беспросветной жизни олим на «земле предков».

Передо мной подавленный человек. Даже в комнате он пугливо озирается по сторонам, то и дело вздрагивает. Когда же направляется к двери, то заметно волочит левую ногу.

Его зверски избили венские сохнутовцы. Он, видите ли, посмел рассказать корреспонденту шведской газеты «Квелльспостен», как сестра из Хайфы прислала ему в Советский Союз письмо, превозносившее в самых восторженных тонах тамошнюю жизнь. Когда же он прибыл в Израиль, сестра поразилась: такого письма она брату не посылала. Даже официальный вызов от ее имени, мотивированный стремлением к «объединению» семьи, тоже оказался сфабрикованным.

Отдадим должное шведскому журналисту: он предусмотрительно обозначил фамилию обманутого иммигранта и город, где живет его сестра, только начальными буквами. Однако венские сохнутовцы сумели обнаружить «клеветника» и расправились с ним. Особенно возмутило громил, как посмел он сказать шведскому журналисту, что даже религиозно настроенные люди не могут привыкнуть к израильским порядкам.

— Теперь ты на своей шкуре почувствуешь израильские порядки,— цинично сказал сионистский агент, бросив свою окровавленную жертву на улице. — И поймешь, что от нас нигде не скроешься.

Не раз пытались сохнутовцы расправиться и с бывшим тбилисским шофером Маместваловым. Он-то совершил уж особенно тяжкое, по их понятиям, преступление: передал шведским журналистам любительский фотоснимок прощального семейного ужина перед отъездом семьи Маместваловых в Израиль. «На фото видно,— отметила шведская газета,— как столы ломятся от блюд и вин». Угроза расправы продолжает висеть над Маместваловым.

Не удивительно, что некоторые беженцы, с которыми беседуют корреспонденты венских газет, тоже просят не называть их подлинных имен — не ровен час, отомстят сохнутовцы.

Сохнутовцы не только избивают «изменников». Есть и другие методы мести. Газета «Фольксштимме» сообщила читателям, что беженец, чья фотография в газете иллюстрировала его рассказ о причинах бегства из Израиля, на следующий же день потерял в Вене работу. И безвозвратно. А работа-то была из черных чернейшая да еще оплачивалась по пониженной ставке. Но раз сохнутовцы включили еврея в свой черный список, ни одна венская фирма, к которой причастны сионисты, на работу его не возьмет.

Вот почему «Фольксштимме» часто вынуждена не называть настоящих имен беженцев. Именно так поступила газета, рассказав о письме, привезенном делегатом от трехсот двух семей грузинских евреев. Эти люди мечтают вырваться из израильского, как они пишут, концлагеря. Что ни семья, то четверо-пятеро детей. Следовательно, речь идет о несчастной доле по крайней мере двух тысяч человек. Главы всех семей поименно названы в этом письме, фотокопия с которого хранится в редакции «Фольксштимме». Каждый собственноручно подписал письмо.

Надо отметить, что оно было привезено в Вену еще до того, как в израильском городе Ашдоде выросли баррикады, воздвигнутые забастовавшими евреями из Грузии. Баррикады! Это был массовый, внушительный протест обманутых людей, во весь голос заявивших об издевательствах над ними. Как известно, незначительные уступки, на которые вынуждены были пойти израильские власти, не удовлетворили забастовщиков. И нетрудно себе представить, что после ашдодских событий число подписей под письмом значительно бы возросло.

Особенно горько и взволнованно повествуется в этом письме о безвыходном положении молодежи. Юноши и девушки, воспитанные в Советской Грузии, никак не могут свыкнуться с чудовищным для них образом жизни. Непонятно им, как могут стать трудноразрешимой проблемой посещение кинотеатра, покупка книги, желание учиться и работать одновременно.

Сын одного из подписавших письмо, восемнадцатилетний юноша, дошел до отчаяния. Убедившись, что из-за него, достигшего призывного возраста, власти не выпустят всю семью, юноша с помощью сочувствовавшего ему израильского грузчика пробрался на иностранный теплоход и спрятался в трюме. Перед отплытием судна его, однако, обнаружили и передали в руки портовой полиции. После этого полиция взяла его под гласный надзор.

Письмо трехсот двух семей грузинских евреев, в складчину собравших средства на тайную поездку своего делегата в Вену, еще раз убедительно доказывает: не одни только кабальные долги задерживают бегство многих олим из Израиля. Далеко не одни долги!

Можно в конце концов продать последние вещи, сэкономить на питании — и погасить долги. Но тогда власти приводят в действие зловещий механизм более жестких, более непреодолимых препон.

Военнообязанных не выпускают.

Получивших жилье, пусть убогое и жалкое, не выпускают.

Самую неквалифицированную работу на самом малозначительном предприятии неожиданно провозглашают «связанной с обороной государства», и человека, выполняющего такую работу, тоже не выпускают.

И все же наиболее сильно действующие средства борьбы с мечтающими покинуть землю обетованную — это запугивание и провокации. Этим уже занимается пресловутый «шинбет», причем не местные его отделения, а преимущественно центральный шинбетовский мисрад. Где бы ни проживал заговоривший об отъезде олим, для вящего эффекта его обычно вызывают «на разговор» в Тель-Авив.

Вот как, например, разговаривали с бывшим одесситом Рувимом Львовичем Блувштейном.

Допрашивавший его жандарм вызвал себе на подмогу двух полицейских.

— Я знаю, почему ты хочешь удрать,— в раздражении перешел он на идиш.— Твоему сыну скоро минет восемнадцать. А ты рассчитываешь забрать у государства солдата! Не позволим!

Блувштейн ответил, что все равно в Израиле не останется. Тогда по приказу шинбетовца полицейские, сковав Блувштейну руки наручниками, стали избивать его. Один из полицейских с методическим усердием царапал ему щеки. Когда потерявший сознание Блувштейн пришел в себя, ему сказали:

— Теперь хорошенько подумай.

И отпустили, заставив сначала тщательно умыться, чтобы хоть как-нибудь скрыть следы допроса.

Жена избитого Блувштейна робко напомнила шинбетовцу:

— Мы не взяли с собой денег на обратные билеты из Тель-Авива. Нас предупредили, что вы оплачиваете проезд тем, кого вызываете к себе.

— Если они оказываются настоящими израильтянами,— услышала в ответ женщина.— А тебе придется научиться просить милостыню. Притворись женой забастовщика — и соберешь на билеты.

По такому же сценарию, включая удары по лицу наручниками, был проведен разговор и с Михаилом Урманом. Его обвинили в стремлении увезти с собой дочь. А ей вскоре предстояло отбывать воинскую повинность.

Вызывали в контрразведку и парикмахера Владимира Матвеевича Рейзина, приехавшего с женой и шестилетним сыном из Одессы и поселенного в городке Герцлие. Поводом к вызову был донос какой-то незнакомой Рейзину девушки. На улице она услыхала, как тетка жены Рейзина, вызвавшая их в Израиль, жаловалась знакомой на то, что «этот мерзавец Володя хочет увезти семью в Советский Союз».

Жене пришлось дать подписку, что она оста-

См. «Огонек» №№ 14, 15, 16, 17 за 1974 год.

нется у тетки и не отдаст шестилетнего Руслана «изменившему родине отцов» мужу. В отместку Рейзину сохнутовцы помешали ему получить визу на въезд в Вену. Он добрался туда кружным путем.

С Ильей Исаевичем Иосибашвили, работавшим ранее на тбилисской фабрике «Синтетика», в «шинбете» беседовали неслыханно мягко и даже сочувственно.

— Если ты так хочешь, можешь уезжать,— сказали ему.— Но в Тбилиси, к сожалению, уже знают, как подробно ты рассказал нам о советской оборонной промышленности. Сколько за это полагается по советскому Уголовному кодексу?

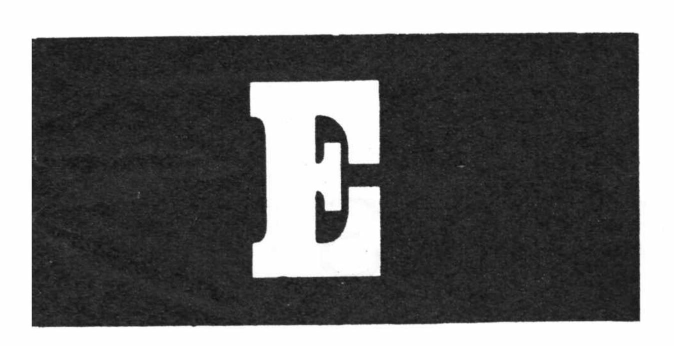
Иосибашвили, знавший о советской оборонной промышленности ровно столько же, сколько об израильской, смиренно ответил:

— Ну что ж, отвечу за свое преступление.

Поняв, что номер не удался, шинбетовцы вышли из себя. Илье Исаевичу было коротко сказано:

— Не уедешь! И не думай об этом.

Как же все-таки он уехал? Поистине не было бы счастья, да несчастье помогло. Неожиданная поддержка пришла от... сохнутовцев. Им надоели законные жалобы Иосибашвили на то, что ему не отдают одиннадцати ящиков с мебелью и домашней утварью, отправленных из Грузии в Израиль. На руках у Иосибашвили были документы о прибытии ящиков по месту назначения, но затем они загадочно испарились. Об этом весьма конфузливом для «Сохнута» факте стало широко известно в городке. Илье Исаевичу предложили сделку:



— Откажись от претензий на пропавшие ящики, и мы договоримся с «шинбетом», тебя выпустят.

Сделка состоялась.

Вдосталь хлебнул шинбетовских увещеваний и врач Иосиф Григорьевич Бурштейн. Его вызывали четыре раза. Отобрали письма и дневник. Пытались воздействовать через сына, запутавшегося в сионистских сетях. Чтобы укрыться от полицейской слежки, Бурштейн вынужден был последние ночи перед бегством из Израиля проводить на улице или у сочувствовавших его беде соседей-старожилов.

Не только контрразведчики расправляются с теми, кто задумал покинуть Израиль.

Когда бывшая жительница Черновиц Александра Ефимовна Каручеру заболела, ее сын, двадцатилетний Ефим, обратился в военный мисрад:

— Мама здесь погибнет. Снимите меня с учета, мы уезжаем.

— Заболела ведь мама, а не ты,— ответили ему.— Если ты такой любящий сын, уговори маму оставить тебя здесь.

Ефим вспылил, поднял крик. Его избили.

Бывшему рижанину Абраму Гиршовичу Гецу, кое-как просуществовавшему в Яффе девять месяцев, удалось пробраться в Вену. Вскоре нью-йоркская газета «Нью-Йорк колэм» напечатала беседу своего корреспондента с Гецом. «Я был дурак дураком. Ринуться в Израиль вместе с другими дураками — в этом была моя погибель,— признался он.— А теперь я вынужден расплачиваться за свою глупость». Венские сохнутовцы разъярились и стали методично преследовать Абрама Гиршовича.

— Горько расплачиваться ты будешь только теперь,— пригрозили они ему. По их указанию венская еврейская община включила Геца в «черный список». И отныне ни одна венская фирма, в числе владельцев которой имеются предприниматели еврейской национальности, не дает Гецу никакой работы.

Но и путь Геца из Яффы в Вену тоже был достаточно тернист. Когда этот сорокадевятилетний человек пришел в военный мисрад и попросил снять его с учета в связи с предстоящим отъездом, чиновник до того осатанел, что, осыпая Геца угрозами, перешел с иврита на русский язык — тяжелейший проступок для государственного чиновника! Для начала Геца бросили в карцер на двенадцать часов. А мужу его сестры, бывшему артисту Рижской филармонии Якову Подкомпенеру, позвонили по телефону:

— Уйми своего шурина, не то придется с тобой поговорить!

Впрочем, Подкомпенер отделался, вероятно, только легким испугом: он успел завоевать репутацию «верного израильтянина». Правда, для этого ему пришлось отказаться от служения Мельпомене и пойти в услужение «Сохнуту». Он охотно пишет в Ригу письма о том, как преуспели в Израиле бывшие рижане. Он готов послать под видом родственника вызов любому человеку в любой город. Наконец, он по поручению «Сохнута» следит за настроениями своих бывших земляков. Именно благодаря его усердию сохнутовцам в последний момент удалось предотвратить отъезд из Израиля четырех семей.

Слово «шинбет» заставляет бывших о л и м содрогаться даже за пределами Израиля.

Обитатели венского дома на Мальцгассе, 1, с ужасом вспоминают, как их жалкую обитель неожиданно посетил Гирш Пайс. Многие еще в Израиле были наслышаны о фанатизме и жестокости этого жандарма, назвавшегося, правда, в Вене дипломатическим работником.

С беженцами он предпочитал объясняться только в присутствии детей, которых с первых же выкриков доводил до плача. Угроза за угрозой сыпались из его уст:

— Вам удалось выбраться из нашей страны, но тем, кто захочет последовать вашему примеру, это не удастся. Мы найдем средства воспрепятствовать им. Учтите, у нас найдутся люди, которые не побоятся прикончить любого, кто хочет убежать.

Такие люди нужны, очевидно, «шинбету» и вне Израиля.

— Хотите их увидеть,— сказал мне знакомый австрийский журналист,— посетите стрелковый тир фирмы «Иохан Шпрингер» на улице Иозефгассе, 10.

Я пошел по этому адресу. В тире действительно говорили преимущественно на иврите. А главное, на глазах совершенствовали умение стрелять из пистолета по движущейся цели.

И я понял, почему так дрожит за свою семью беженец Эльказар Газнешвили. Ему пришлось бежать из Израиля дважды. В первый раз он был спровоцирован и насильно возвращен в Израиль с поистине иезуитским коварством.

Долго и безуспешно добивался Газнешвили разрешения на поездку в одну из западноевропейских стран. Ему беспрестанно отказывали, хотя Эльказар утверждал, что после свидания с земляками из Грузии вернется в Израиль. Но шинбетовцы были неумолимы.

И совсем неожиданно, когда Газнешвили уже потерял всякую надежду, ему разрешили выезд:

— Можешь полететь как турист. Только сразу же купи билет и на обратный самолет.

Не имея иного выхода, Газнешвили согласился. Он не знал, что в выданном ему «туристском» документе по-немецки значится: податель сего направляется в один из западноевропейских филиалов «Сохнута».

Установив, что Эльказар не собирается возвращаться в Израиль, сохнутовцы избили его. Но и это не сломило воли беженца. Тогда сохнутовцы насильственно сделали ему наркотическую инъекцию и в бессознательном состоянии посадили в самолет. Очнулся Газнешвили уже в израильском аэропорту Лод...

К какому же выводу приводят нас эти — и им подобные — злоключения Мамествалова, Блувштейна, Урмана, Рейзина, Иосибашвили, Бурштейна, Каручеру, Геца, Газнешвили и многих других бежавших из израильского «рая» людей?

Вывод один: из тысяч бывших советских граждан, стремящихся покинуть оказавшееся для них злой чужбиной израильское государство, осуществить свое стремление удается буквально единицам — тем, кто не только может кое-как выпутаться из долговых сетей, но и получает редкую возможность использовать такие обстоятельства, как пропажа багажа, тяжелое заболевание и даже смерть члена семьи. Например, бывший москвич Каплан и бывший сухумец Шамелашвили вырвались из Израиля тогда, когда их жены в отчаянии покончили с собой. Но даже им пришлось преодолеть иезуитские препоны многоликой сионистской машины, работающей на то, чтобы любыми средствами удержать о л и м в Израиле.

Вот почему из трехсот двух семей евреев, подписавших присланное в Вену письмо, покинуть Израиль удалось с огромными трудностями только двадцати восьми семьям.

Но если беженец в конце концов добирается до Рима, Никозии, Вены, то и в этих столицах к нему угрожающе тянутся длинные руки «Сохнута».

Именно они, эти зловещие руки, потянули Габо Хананашвили и Зою Жвитиашвили на скамью подсудимых венского суда.

«СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ...»

Уже вырвавшись в Вену, Габо и его свояченица Зоя узнали огорчительную весть: часть их тбилисских родственников выехала в Израиль. Мало того, выехала главным образом потому, что получила обнадеживающие телеграммы от... Габо и Зои. Но и телеграфными фальшивками сохнутовцы не ограничились: от имени Габо и Зои последовали еще и телефонные звонки в Тбилиси.

Можно представить себе состояние этой семьи! Что им оставалось, как не попытаться встретить обманутых родственников на венском Восточном вокзале и открыть им горькую правду?

Но приезжающих тбилисцев встречал и представитель «Сохнута», которому полагалось доставить их прямо с вокзала в замок Шёнау и там изолировать до отправки на самолете в Израиль.

Бдительный сохнутовец Тамир заметил в вокзальном зале ожидания Габо и Зою с группой друзей, тоже бежавших в Вену из Израиля. Прислушавшись к их разговорам, он понял, почему они на вокзале. Тамир немедленно бросился к дежурившему на вокзале инспектору криминальной полиции Чепеку и обратил его внимание на группу «подозрительных». Чепек в сопровождении Тамира решил проверить документы этих «возбужденных личностей». Но те, услышав угрозы Тамира на идиш, приняли и самого уважаемого инспектора тоже за сохнутовского агента, тем более что костюм на нем был сугубо штатский.

Главный свидетель обвинения Тамир утверждал, что инспектор показал Габо, Зое и их друзьям полицейский жетон. Однако Габо, Зоя и свидетели защиты, по их словам, были так взволнованы (до прихода поезда оставались считанные минуты!), что жетона не заметили и когда инспектор Чепек потребовал документы у бывших грузинских граждан, некоторые из них обратились за помощью к полицейским, одетым в надлежащую форму. Иными словами, уверенные в том, что Чепек, как и Тамир, представляет «Сохнут», беженцы стремились найти защиту от полицейского у полицейских!

Но приведенная Тамиром в действие машина провокации безотказно сработала. Габо, Зоя вместе с друзьями оказались не на вокзальном перроне, а в полицейском участке. Тбилисских родственников встретили не они, а медоточивый Тамир, благополучно доставивший приезжих в замок Шёнау.

Расстроенные Габо и Зоя оказали сопротивление инспектору, не пускавшему их на перрон. Замечу, что по своим внешним данным инспектор Чепек вполне справился бы на экране с ролью великана. Тем не менее, по

свидетельству Тамира, далеко не атлетически сложенная Зоя даже «избила» инспектора.

Вот какие происшествия, согласно обвинительному акту, привели Габо Хананашвили и Зою Жвитиашвили на скамью подсудимых.

Я понимал австрийского судью: весьма нелегко было ему, оберландесгерихтсрату Хофману, вести судебное разбирательство: ведь обвиняемых и свидетелей защиты приходилось допрашивать с помощью переводчицы. А ей, бедняге, тоже было нелегко: некоторые свидетели так слабо говорили по-русски, что переводчица зачастую вдохновенно импровизировала.

Дело слушалось вторично. На первое судебное заседание Тамир предпочел не явиться: зачем лишний раз публично демонстрировать, как длинные руки «Сохнута» оказываются в австрийской столице не только чересчур длинными, но и довольно сильными? Хотя он и назвался студентом, случайно оказавшимся на вокзале, однако адвокат настоял на вызове Тамира, и дело слушалось повторно. На вопросы адвоката Тамир отвечал, ни разу не глянув ему в лицо. Он знал, что подсудимых защищает секретарь Международного комитета узников Маутхаузена, президент Всеавстрийского объединения демократических юристов Генрих Дюрмайер.

Надо отдать справедливость прокурору — он тоже не очень-то приветливо взирал на «студента». Можно понять представителя государственного обвинения: совсем неприглядно выглядит эпизод, когда по одному слову сохнутовца инспектор криминальной полиции немедленно берет под подозрение семерых совершенно неизвестных ему людей.

Взмокший Тамир извивался и вертелся, как уж под сапогом. Закончив свои показания, он развязно втиснулся в группу присутствовавших на процессе венских полицейских. Но они очень холодно встретили его панибратские попытки вести себя с ними на равных. И сконфуженный сохнутовец предпочел удалиться.

А между тем речь Генриха Дюрмайера была преимущественно посвящена хозяевам Тамира.

— Полагалось бы здесь услышать,— сказал адвокат:— слушается дело по обвинению тех, кто руководит Тамиром. По их указке он обманул не только моих подзащитных, но и их несчастных родственников. Обращаю внимание суда на неоднократные напоминания венской прессы о том, как распоясались сохнутовские агенты в нашей столице. Рекламируя свои несуществующие контакты с полицией, а иногда выдавая себя за полицейских, они провоцируют напуганных и растерянных беженцев из Израиля.

...Если бы судебные процессы можно было, как зрелища, классифицировать по жанрам, то суд над Габо и Зоей следовало бы назвать трагикомедией. Все видели слезы свидетелей, когда упоминались их обманутые родственники и земляки, которых так и не удалось предостеречь от поездки в Израиль. Все слышали смешок в публике, когда инспектор Чепек невозмутимо докладывал судье, как его встревожил сигнал Тамира о появлении на вокзале подозрительных лиц, из которых самой опасной преступницей оказалась так жестоко расправившаяся с ним девушка.

Судья условно приговорил Габо Хананашвили к двум месяцам, а Зою Жвитиашвили к четырем месяцам тюремного заключения.

После суда оберландесгерихтсрат Хофман отказался дать интервью аккредитованным представителям иностранной печати и репортерам венских газет. Но согласился побеседовать с советским писателем.

Сняв с себя судейскую мантию из черного шелка с фиолетовой оторочкой из плюша, он сказал переводчице:

— Господин писатель, вероятно, не верит, что инфантильная Зоя способна была расцарапать физиономию исполину Чепеку. Но мой судейский опыт помог мне убедиться, что это было именно так. И все же я ограничился условным осуждением подсудимых,— продолжал судья, туже затягивая узел модного галстука.— Я учел, что подсудимые не отдавали себе отчета в своих действиях. Им казалось, что их заставляют покинуть Вену,— ими владел нечеловеческий страх перед насильственным возвращением в Израиль.

Нечеловеческий страх перед насильственным возвращением в Израиль! О многом говорят эти слова в устах австрийского судьи.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ

Виктору Астафьеву исполняется пятьдесят лет. Что и говорить,— рубеж серьезный, уважительный. Как сказал бы о нем сам Астафьев: «Все, братцы! Кончилась заводская гарантия. Дальше все зависит уже от того, какой материал поставлен...»

Мысленно я вижу за его юбилейным столом уже поседевшую «братву» из Игарки, с которой тогда еще Витя Астафьев в серой казенной одежке мыкал свое сиротство (читайте повесть «Кража»); и бывших сотоварищей по фэзэушной науке и скудным фэзэушным пайкам того времени (повесть «Где-то гремит война»), и ветеранов Великой Отечественной, с которыми еще совсем юнцом, с тонкой мальчишеской шеей в грубом хомуте шинельного ворота, тащил он солдатскую лямку по нескорым и тяжким дорогам войны (повесть «Звездопад»). С кем-то из них он укрывался одной шинелью, кому-то в дыму и грохоте атаки перевязал горячую, булькающую рану, подал флягу с последними глотками воды, с кем-то валялся в одном лазарете или догонял после ушедший вперед батальон. Я вижу за столом заветренных, продубленных сплавщиков и речников с Енисея — великой реки-труженицы и кормилицы, на берегу которой, в деревушке Овсянке, родился и сам Астафьев, посвятивший

ГОРСТЬ ИЗ МИ

И снова весна. Для нас, юных, ныне она особенная: в столице на XVII съезд комсомола собрались молодые посланцы всей советской земли. И с целины, конечно, тоже, с близкой, дорогой мне целины. В прошлом году, в такие же голубые, как и сегодня, дни мы собирались на целину, и такая стояла в институтских коридорах сутолока и кутерьма!

Наш путь лежал в Казахстан, в республику, с которой связано само возникновение студенческих стройотрядов. За окнами незнакомые земли, где-то рядом, в соседнем купе, звенит гитара одного из участников нашей районной агитбригады, и столько неясных надежд, ожиданий переполняет сердце... Пока есть время, можно поговорить и с теми, кто уже умудрен опытом и умением руководить. Например, с командиром районного студенческого строительного отряда МВТУ имени Баумана Иваном Киселевым.

Восемь лет назад он впервые пришел в отряд, был просто бойцом, укладывал, как все, фундамент здания, замешивал раствор, подносил кирпичи. В то лето он стал каменщиком, лучшим каменщиком районного отряда. На следующий год он поехал в Подмосковье уже бригадиром. Пригодилось ему все — и строительная профессия и трудолюбие. Бригадир должен работать лучше всех и больше всех и во всем показывать пример. И он справился со своими обязанностями, а на следующий год его уже назначили командиром линейного отряда. Этот отряд был признан одним из лучших в Московской области. После Подмосковья — Сахалин. Там молодой коммунист командовал районным студенческим строительным отрядом. А теперь — Казахстан.

Конечно, обо всем этом я узнала лишь позднее, когда началась наша трудовая жизнь на целине. А началась она довольно прозаично. В пять подъем, завтрак и работа. Короткое это слово — работа — оказалось очень емким. Впервые на собственном опыте мы убедились, как непросто держать в руках целый день лопату или молоток.

А вечером — репетиция. Ведь мы еще и артисты. И это далось нам нелегко. Сначала не очень-то звучали наши песни и не укладывались номера в программу. Мы спорили, ссорились, до хрипоты повторяли одно и то же и возвращались в затихший лагерь после

ей едва ли не самые лучшие свои страницы в повести «Последний поклон». Тут, за столом, работные и иные люди батюшки Урала: горных дел мастера, камнерезы, обходчики, смолокуры, звероловы, — с кем прожил Астафьев первые свои послевоенные годы. Еще сам не устроенный, в оставшейся от войны гимнастерке, заменявшей ему штатский костюм, он кому-то из них уладил трудовую пенсию, похлопотал насчет жилья и топлива, кого-то защитил от нередкой тогда служебной волокиты или просто дал дельный житейский совет. И жены этих людей тоже здесь, и престарелые, согбенные годами и повседневными заботами матери их, о которых он, обращаясь к уже упокоившейся бабушке Катерине Петровне, в своей «песне песней», в «Последнем поклоне» скажет: «Нет у меня таких слов, которые передали бы всю мою любовь к тебе! Согревает меня лишь одна надежда, что люди, которым я рассказал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыщут тебя и будет твоя жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта».

И дети, дети... Обреченный с ранних лет на существование без отца и матери, Астафьев всю жизнь несет в себе настороженную и чуткую тревогу и заботу об их судьбе. Вот и бездомного мальчонку, уже сам имея своих детей, подобрал он и привел к себе в дом, посадил вместе со всеми за стол да так и оставил в семье навсегда. Это им, детям, он посвятил немало умных книг о радости бытия в общении с миром природы.

Придут к Астафьеву и товарищи по цеху, соратники по перу. Их у него тоже предостаточно.

Общение с Астафьевым поистине обладает целебным свойством. К нему невольно тянет, как к чудодейственному источнику, возле которого можно избавиться от слабости духа, душевной лени и творческого застоя. Да и просто всегда радостно видеть этого человека, его приветливые, живые глаза, слышать его добродушно рокочущий сибирский говорок, оснащенный неистощимым юмором.

Все это пока лишь о тех, кто так или иначе лично сталкивался с Астафьевым. Истинных же и преданных друзей у него гораздо больше. Каждый, кто хоть однажды встретился с астафьевской книгой, навсегда останется его искренним другом, ибо повести и рассказы этого замечательного писателя также способны исцелять душу, наполнять ее верой и жаждой творить добро. Не сами по себе книги, написанные им, ценны, хотя на них ушло необратимо много сил и здоровья. Для Астафьева куда дороже ответные волны человеческих чувств. И эти ответные чувства приходят к нему в многочисленных письмах читателей.

Бывают такие счастливчики, которые чуть ли не с пеленок обнаруживают «незаурядные способности» к художественному слову. Хлопотливые папа и мама заведомо принимаются готовить свое необыкновенное дитя с серебряной ложкой во рту к будущим нимбам и лавровым венкам. Его обучают всему, чему можно обучить, пичкают птичьим молоком и оберегают от участия в общественных воскресниках. В двадцать лет вместе с ключом от кооперативной квартиры ему вручают невесть какими правдами добытого дипломированного Пегаса с мягким поролоновым седлом и розовыми крыльями. Со снисходительным прищуром он грациозно гарцует на литературных манежах, а по вечерам за цыпленком табака бойко перетряхивает современников, с инфантильной авторитетностью расклеивая на их спины ярлыки или непрошеные индульгенции.

Чему обучался в детстве Астафьев, известно. Добавлю только, что первое живое яблоко он увидел лишь солдатом в каком-то полусожженном украинском саду. А в свои двадцать с лишним лет еще чертоломил на разных не весьма опрятных работах и не помышлял делаться писателем. Пегаса своего он изловил не вдруг, и была эта муза без готового седла и крыльев. На ее костлявом хребте можно было сидеть разве только со стиснутыми зубами. Долго и упорно отхаживал Астафьев эту свою поэтическую конягу. На ней не однажды он спотыкался на литературных ухабах. Порой недоставало не только умения, но и элементарной грамотности. Сколько этому неухоженному Пегасу скормлено загубленной бумаги и перечеркнутых черновиков!

Я перебираю фотографии моего друга, и вспоминаются строки из его последнего письма: «Уеду в лес, в свою уральскую избушку, а там и есть лучший праздник. Встретить свою пятидесятую весну среди птичьего звона, цветов, пережить водополье — это ли не самая большая радость!»

Что ж, поезжай. Друзья на тебя не в обиде, если на этот раз не будет застолья. Они знают, ты не ищешь просто медвежьего одиночества, ты и там не перестанешь мучиться думами о море людском. Ты хочешь трезво, без тостов, посолдатски перекурить, оглядеться на пройденное, подвести некоторые итоги.

Ты еще много-много сделаешь! Но и за то, что уже сделал, низкий тебе поклон!

Евгений НОСОВ

ЛЛИАРДА

отбоя. А времени было в обрез и опыта — маловато.

И вот наш первый концерт. Конечно, самый трудный, но, может быть, в чем-то и самый удачный. Потому что нам, как потом выяснилось, посчастливилось попасть в самый лучший отряд. Именно там ребята показали нам, что такое настоящий студенческий строительный. Мы очень остро ощутили пульс его жизни и поняли, что если работа не клеится, то и настроение будет не ахти какое.

Место, где нас поселили, было, прямо скажем, не поэтичным. Квартирьеры долго бились, пока придали помещениям жилой вид. Сразу за домом начиналась степь, и ни одного деревца, ни одного кустика кругом. Маленький клуб долго вообще не работал. И никаких развлечений ребятам не обещал.

Гостеприимные хозяева с гордостью показывали нам свой лагерь. Ведь все здесь сделано их руками. И сделано не просто умело, а с любовью, со вкусом...

Алеет флаг на флагштоке. У его подножия аккуратно выложены кирпичи. Напротив дом, где живут ребята. Маленькие комнаты, уютные, чистые, с веселыми обитателями — разноцветными гномами, бременскими музыкантами, сказочными героями...

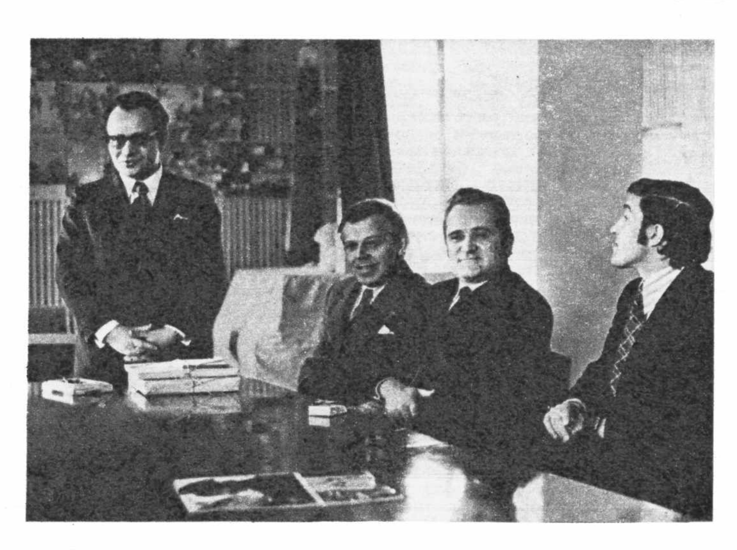
В знаменитом тут «Кабачке-Светлячке» — над входом покачивается словно сбежавший из девятнадцатого века пушкинский фонарик — нас вкусно накормили, и глядевшие на нас со стен краснощекие поварята весело улыбались.

Нас трогательно опекали командир отряда Володя Краснов и бригадир Коля Кондратьев.

Каждый концерт был для нас и испытанием, и праздником, и трудом. Мы читали стихи, написанные нашими ровесниками, побывавшими на целине до нас, работавшими, как и мы, в строительном отряде, думавшими и мечтавшими, как мы. И стихи их говорили о самом простом и важном: о труде и борьбе, юности и любви.

И если на душе у людей становилось хоть чуть-чуть теплее после наших концертов, значит, не пропали даром наши волнения, надежды, поиски. Значит, хоть горсть из миллиарда пудов хлеба, которые дал в этом году стране Казахстан, наша.

Ирина КОРИОНОВА



МЕДАЛЬ КОПЕРНИКА «ОГОНЬКУ»

Бронзовый профиль Николая Коперника и рядом даты: 1473 — 1973. Так выглядит памятная медаль, посвященная 500-летию великого польского астронома.

На днях от имени посольства Польской Народной Республики в СССР такая медаль была передана журналу «Огонек». Вручая награду, советник посольства ПНР Эугениуш Костшева отметил, что «Огонек» удостоен медали Коперника за тот вклад, который журнал вносит в укрепление дружбы между Советским Союзом и Польшей.

При вручении награды присутствовали первый секретарь посольства ПНР в СССР Петр Ковальский, директор представительства польского бюро путешествий «Орбис» в Москве Зенон Новаковский, корреспондент польского журнала «Пшиязнь» Марек Сечковский.

На снимке: польские гости в «Огоньке».

Фото Л. Шерстенникова.

СТРАНИЦЫ РЕПОРТЕРСКОГО БЛОКНОТА

ГОЛУБЫЕ ЕЛИ

Голубые ели из Долинска.

Группа экскурсантов на Красной площади любовалась голубыми елями. Многим они в диковинку.

— Какие пушистые. До чего красивы. А цвет! А запах! Стройные, нежные...— восхищались приезжие.

Воистину достойны похвалы эти изящные серебристо-голубые деревья, которые в ряду декоративных растений, украшающих улицы городов и сел, по праву стоят на первом месте. Они весьма неприхотливы, устойчивы и к морозу и к засухе. Голубые ели стали непременным украшением священных для советского народа исторических мест — Красной площади в Москве, Мамаева кургана в Волгограде, Ленинского мемориала в Ульяновске, Пискаревского мемориального кладбища в Ленинграде...

Не каждый знает, что разводят эту ценную хвойную породу в совхозе «Декоративные культуры». Он находится в Долинске, предместье Нальчика. Там же, неподалеку от конторы совхоза, живет человек, с именем которого связаны первые в нашей стране попытки разведения голубых елей. Это старейший садовод, создатель нынешнего хозяйства, лауреат Государственной премии Иван Порфирьевич Ковтуненко. Я побывал у него в гостях. Мы беседовали в комнате, уставленной цветами — горшочки на тумбочке, на полу, на подоконниках.

— Родина серебристо-голубых елей,— рассказывает Ковтуненко,— Скалистые горы на западе Северной Америки. В 1879 году голубую ель впервые привез в Европу немецкий дендролог Энгельман. Через год-два первый саженец голубой ели, приобретенный за триста золотых рублей, попал в Петербург. После этого состоятельные люди стали покупать за границей саженцы и высаживать их в своих усадьбах. Влетало им это в копеечку, но что поделаешь, своих плантаций не было...

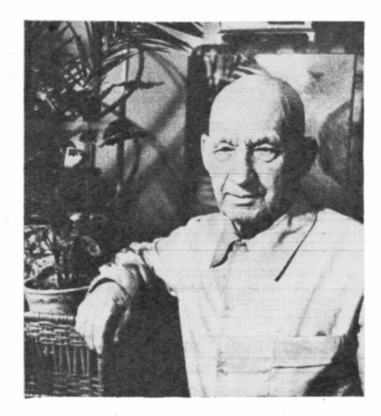
Первая плантация серебристо-голубых елей появилась здесь, в Долинске, уже при Советской власти. Вот на этом месте... — Ковтуненко протягивает мне пожелтевшую фотографию: люди убирают с пустыря каменные валуны и грузят их на телеги.— Это было в 1932 году, а сейчас здесь оранжерея.

— Как тогда разводили голубую ель?

— Еще совсем недавно это был нелегкий процесс. Черенки голубых елей, привозимые из-за границы, прививали к простой ели. Стоило это дорого, да и эффект не тот. Ствол из-за прививки неровный, и уход за растениями был очень длительным и кропотливым...

— Иван Порфирьевич, мне известно, что сейчас вашим методом посадки семян пользуются в разных уголках страны. Что это за метод?

— Возникновению любого метода обычно предшествует множество опытов. Так было и с голубыми елями. Прежде всего предстояло найти способ выращивания их из семян. Вот и экспериментировал. В обыкновенной почве растение погибает. В почве, взятой из-под елей, семена давали всходы, но дней



Лауреат Государственной премии Иван Порфирьевич Ковтуненко.

через десять — двенадцать тоже погибали. Может, думаю, микроорганизмы мешают? Дезинфицировал почву марганцовкой. Опять неудача. В чем же дело? Прокаливал почву на огне, добавлял в нее молотый древесный уголь, лузгу подсолнечника. Много чего испробовал, всего и не припомнишь. Только безрезультатно. Как-то в воскресенье вышел я из оранжереи. На углу лежали хвойные опилки. Мы прикрывали ими почву от перегрева. Может, опилки попробовать? На следующий день в деревянные ящики посадили семена. Прошло две недели после всхода, а росток крепенький. И по ночам ходил смотреть на всходы. А они все крепли и крепли. Укрепилась и вера в удачу. Среда найдена!

— Государственную премию вы получили за голубые ели?

— Да. Теперь серебристо-голубые ели можно выращивать в любом конце Союза. Спрос на них все время растет, сами увидите в конторе, сколько заявок приходит. Еще бы! Эти ели не только красивы, но и оздоровляют воздух. Они круглый год выделяют особые летучие вещества — фитонциды, убивающие многие болезнетворные бактерии.

Попрощавшись с Иваном Порфирьевичем, я пошел в контору.

Коммунар Шагирович Шогенов, директор совхоза «Декоративные культуры», ученик Ковтуненко, протянул мне стопку папок. В них — сотни писем с просьбой выслать саженцы голубых елей для озеленения городов, поселков, фабрично-заводских территорий. Пишут разные организации: строительное управление Зеленограда, Кубанский сельхозинститут, Тюменский моторный завод, Парк культуры и отдыха имени Коста Хетагурова в Орджоникидзе, ульяновский приборостроительный завод...

Теперь совхоз может снабжать своей продукцией не только крупные мемориалы. Конечно, спрос значительно превышает предложение, но уже не в такой мере, как раньше. Около двадцати гектаров занимают в совхозе голубые ели.

Есть при совхозе техникум декоративного садоводства. Вечерний. В нем учится более двухсот человек. Днем все они работают в древесно-кустарниковом питомнике, оранжерее, участвуют в озеленении города, заводских территорий, санаториев. Вечером постигают в аудиториях премудрости декоративного садоводства.

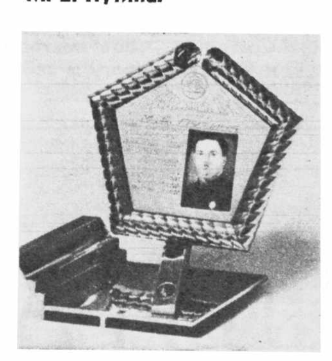
Осенью учащиеся помогают собирать шишки, из которых после просушки выбивают семена. Сеют их в грядки с опилками. Закладывают ежегодно по четыре гектара. За сезон здесь вырастает сто тысяч елей. Со временем они украсят города и села нашей страны.

Марат ЦЕБОЕВ
Фото автора.

ИМЕ РА

К. ЧЕРЕВКОВ

Переходящий приз имени М. Е. Путина.



УВЕРЕННЫЙ ШАГ ПЯТИЛЕТКИ

Работники промышленности в ответ на Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу приняли социалистические обязательства по досрочному выполнению плана 1974 года и успешно претворяют их в жизнь. В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана промышленностью СССР в I квартале 1974 года. Этот план по общему объему реализации и производству большинства важнейших видов продукции перевыполнен. Сверх плана реализовано продукции на 2 миллиарда рублей.

Квартальный план перевыполнен всеми общесоюзными и союзно-республиканскими промышленными министерствами и всеми союзными республиками. В частности, Министерство энергетики и электрификации выполнило квартальный план реализации продукции на 101 процент.

Среди крупнейших станций страны — Братская ГЭС. Она передает электроэнергию потребителям Восточной Сибири по нескольким высоковольтным линиям передач. Чтобы снизить потери напряжения и увеличить передаваемую мощность, в Иркутской области действует установка продольной компенсации — УПК-500, фантастические очертания которой запечатлены на снимке фотокорреспондента ТАСС Э. Брюханенко.

НИ
БОЧЕГО

Победители соревнования на приз имени М. Е. Путина. Слева направо: трубопрокатчики Г. Кирдун, И. Купреев, бригадир К. Ерофеев, Л. Курченко, А. Коробков.

Фото В. Владимирова.

Этот приз учрежден заводом «Красный выборжец» в честь рабочего трубного цеха Михаила Елисеевича Путина, имя которого вошло в историю нашей Родины. В год старта первой пятилетки он подписал первый в стране договор на социалистическое соревнование.

Мне довелось встречаться с Михаилом Елисеевичем в разное время. Был это человек сильный, спокойный. Общительный, чуткий, он отдавал много времени партийной и профсоюзной работе, избирался членом Пленума ВЦСПС. Имя Михаила Путина, как и его сподвижников, высечено на мраморной доске, установленной на заводе. В двадцать девятом году был он бригадиром обрубщиков, профессии по тем временам нелегкой.

— Кроме бригадирства, мне поручили еще работать в цехе агитатором,— рассказывал Михаил Елисеевич.— На одном из политзанятий прочитали статью Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование?». Может, и нам попробовать соревноваться? — спросил я товарищей. Все стали горячо высказывать свои соображения. На листок легли слова, написанные крупно рукою рабочего: «ДОГОВОР». И с новой строки: «По социалистическому соревнованию обрубщиков алюминия трубного цеха завода «Красный выборжец». Еще строкой ниже: «Мы вызываем на социалистическое соревнование по поднятию производительности и снижению себестоимости чистоделов, обрубщиков красной меди, шабровщиков...»

Так в Советском Союзе родился первый договор о социалистическом соревновании. В обязательствах красновыборжцев было сказано, что они добровольно снижают расценки на десять процентов и на столько же повышают производительность труда.

— Этот пункт вызвал бурные споры,— продолжал Путин.— Рабочий Павел Мокин заявил: «Еще неизвестно, сумеем ли мы поднять производительность, а по карману себя ударим». Павел был прямым человеком и дорожил мнением коллектива: «Ну, раз все заодно, я тоже с вами»,— сказал он и поставил свою подпись. После Павла Мокина расписались Константин Оглоблин, Борис Круглов...

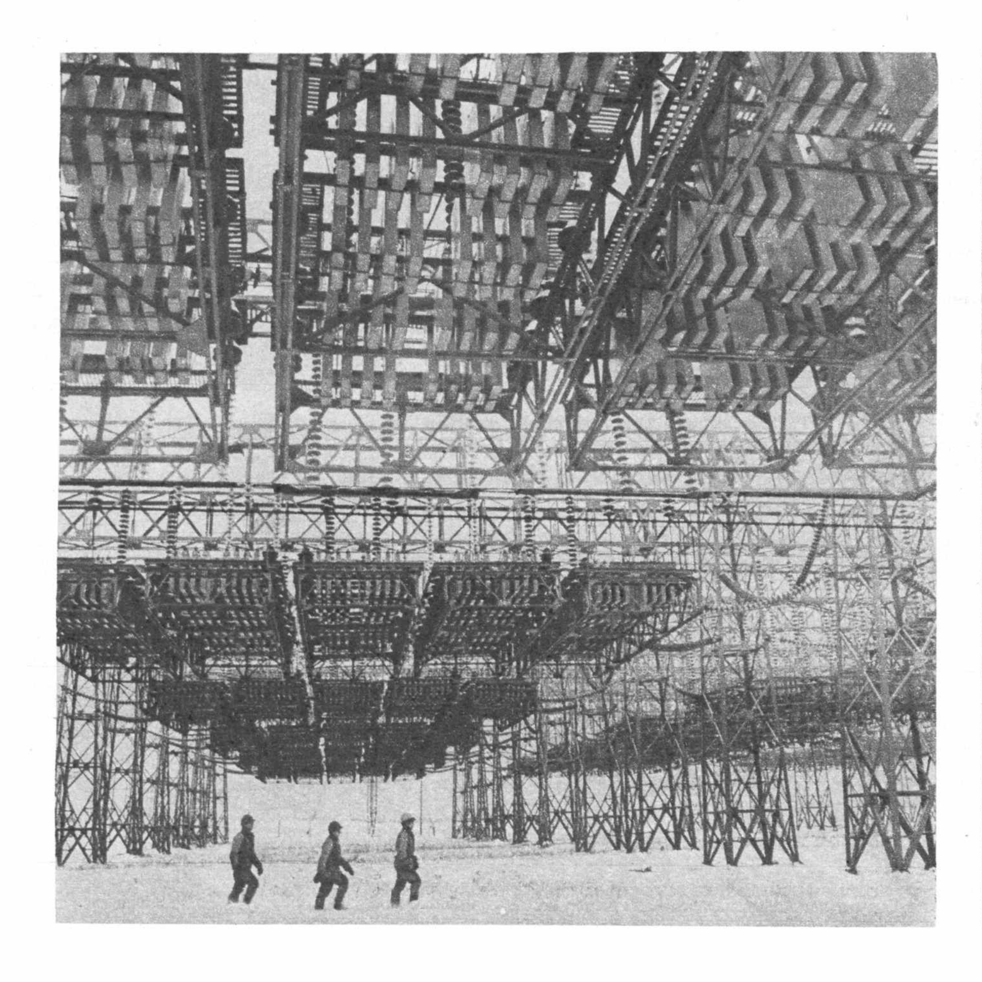
45 лет тому назад, в канун Первомая, XVI партийная конференция приняла историческое обращение ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза о массовом социалистическом соревновании за выполнение плана первой пятилетки. «Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой»,— говорилось в обращении.

Имя «Красного выборжца» в те дни не сходило со страниц печати. Соревнование, развившееся в его цехах, приковывало внимание всей страны. На завод приехал Максим Горький, ходил по цехам, беседовал с людьми. Вскоре после этого Максим Горький прислал в заводскую газету письмо. «Многое на «Красном выборжце» удивило и обрадовало меня,— писал он.—...Из грязи и сора прошлого, из хаотичного наследства буржуазии рабочий класс должен выделить — и уже выделяет — все то высокоценное, действительно культурное, что создано веками и войдет в новую культуру, которую строит рабочий класс...

Первая пятилетка! Она удивляла своими замыслами, звала народ на трудовые подвиги. Стремительные темпы индустриализации, намеченные партией, требовали мобилизации коллективных усилий. На завод прибыли посланцы столичных предприятий. Москвичи и выборжцы скрепили свою дружбу договором.

Многие ленинградские предприятия задолго до срока справились с планами первой пятилетки, в их числе и «Красный выборжец», ставший своеобразной лабораторией рабочей и инженерной мысли: здесь освоены новейшие марки металла, который идет во многие отрасли народного хозяйства,— на строительство воздушных лайнеров и космических кораблей, атомных ледоколов и электростанций, и даже... на изготовление музыкальных инструментов.

Михаил Елисеевич Путин был выдвинут на руководящую работу — возглавил крупное строительство. Но связи с родным заводом он не порывал: часто заходил в свой цех, встречался с молодежью, радовался успехам красновыборжцев. И так до последнего дня своей жизни. Символично, что спустя много лет в цехе, где М. Е. Путин и его товарищи зажгли искру соревнования, родилась и одна из первых в Ленинграде бригад коммунистического труда. Недавно ей был вручен переходящий приз имени М. Е. Путина. А раз он переходящий, то через полгода мы узнаем, кто станет его новым обладателем. Соревнование продолжается...



ДИПЛОМ ПОБЕДИТЕЛЯ ВРУЧЕН

На VII Всесоюзном кинофестивале в Баку главный приз получил фильм «Калина красная» (киностудия «Мосфильм»).

Председатель жюри завершившегося недавно конкурса Станислав Ростоцкий поздравляет с высокой наградой автора картины, писателя, режиссера и актера Василия Шукшина.

Фото Е. Халдея.

За кулисами после спектакля. В центре — Виктор Иванович Хохряков.

НА СЦЕНЕ ВОДЕВИЛЬ

В середине прошлого века чешский актер Фердинанд Франтишек Шанберк прославился еще и тем, что писал водевили. Одна из его комедий, «Одиннадцатая заповедь», и сейчас пользуется большим успехом. И не только в Чехословакии. Веселая путаница положений, в которую все время попадают герои, став жертвами обмана своего товарища, держит зрительный зал в веселом напряжении. Сейчас под названием «Союз холостяков» водевиль «Одиннадцатая заповедь» (в переводе И. Иванова и О. Малевича) поставлен в Москве на сцене филиала Малого театра.

Постановщик спектакля народный артист СССР Виктор Хохряков выступает здесь как тонкий и острый художник, которого интересует водевильно-комедийный сюжет многими своими возможностями. И прежде всего — сценическим открытием каждый раз новых актерских способностей, актерского умения блеснуть иногда совершенно неожиданной гранью таланта.

Но откуда же взялась «Одиннадцатая заповедь»?.. Ее придумали, конечно же, в шутку; она гласит: «Не утаи жены своей». А вот наш герой Иржик Воборский как раз женуто, молоденькую Эмму, и утаил от своих старых друзей — майора Ичинского, профессора философии Барашека и прокурора Стршело, объявив ее своей дочерью. Этот обман так запутывает положение, что в результате и Стршело и Барашек тоже оказываются влюбленными. Таков финал. События пьесы движутся к нему стремительно, в веселом и ярком калейдоскопе, и каждый их поворот создает все новые, смешные, именно водевильные ситуации.

Старые водевили в Малом театре не игрались с начала века. И тем более приятно удивляют создавшие спектакль, так легко и свободно ориентирующиеся в новом для них жанре артисты Т. Рыжова и А. Евдокимова, Е. Весник, Н. Подгорный, Н. Афанасьев и другие.

Удачны декорации художника Э. Змойро, дебютировавшего этим спектаклем на сцене Малого театра.

Н. ЗЫБИНА.
Фото Е. Умнова.

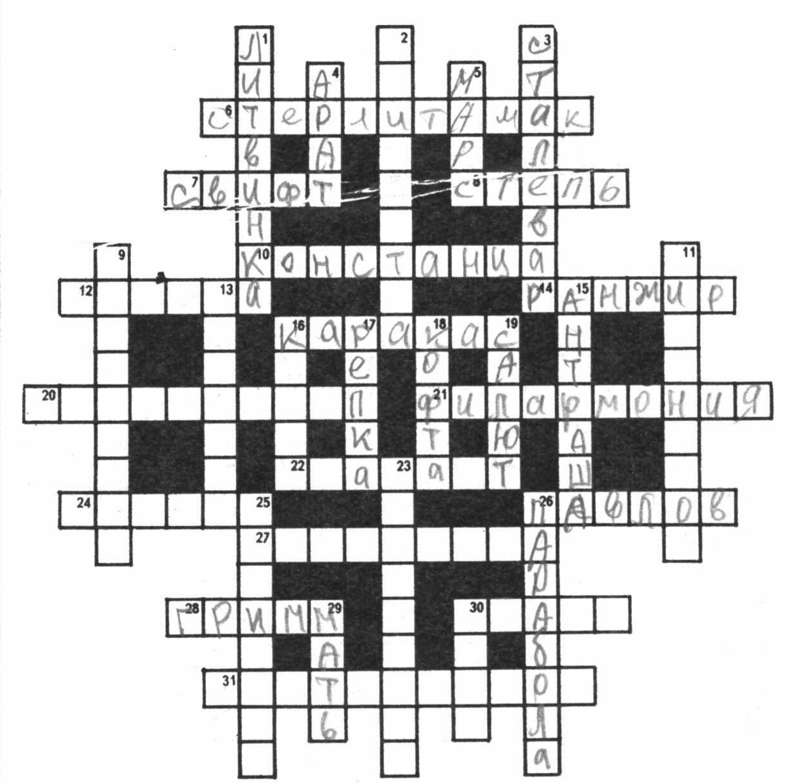
На очередное заседание клуба «На огонек» в редакцию пришли представители одной из самых мужественных профессий, заслуженные летчики-испытатели СССР, Герои Советского Союза Александр Васильевич Федотов и Алексей Петрович Якимов.

Собравшиеся с большим вниманием и интересом выслушали рассказы гостей «Огонька» о том, как учат летать самолеты. А. В. Федотов сообщил о подготовке и осуществлении полета, в котором он установил абсолютный мировой рекорд высоты. О первом беспосадочном полете в США на самолете ТУ-114, о встречах с Генеральным конструктором, академиком А. Н. Туполевым увлекательно рассказал А. П. Якимов.

А. В. Федотов (слева) и А. П. Якимов.

Фото М. Савина.

КРОССВОРД



По горизонтали: 6. Город в Башкирии. 7. Английский писатель-сатирик. 8. Безлесное пространство. 10. Порт в Румынии. 12. Голландский мыслитель. 14. Построение в шеренгу по росту. 16. Столица Венесуэлы. 20. Оптический прибор. 21. Концертная организация. 22. Травянистое растение. 24. Мелкие зерна корунда. 26. Советский физиолог. 27. Государство в Южной Америке. 28. Немецкие сказочники. 30. Краска. 31. Духовой инструмент.

По вертикали: 1. Повесть в стихах М. Ю. Лермонтова. 2. Шутливое выражение. 3. Специалист металлургической промышленности. 4. Скотовод в Монголии. 5. Планета. 9. Пролив, соединяющий Балтийское море с Северным. 11. Комедия Мольера. 13. Сорт яблок. 15. Прыжок в балете. 16. Птица семейства вороновых. 17. Русская народная сказка. 18. Женская одежда. 19. Торжественная форма приветствия. 23. Эпоха Возрождения. 25. Стекловидное вещество, получаемое при перегонке смолы хвойных деревьев. 26. Незамкнутая кривая. 29. Роман М. Горького. 30. Лиственное дерево или кустарник семейства березовых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 7. «Бородино». 8. Репортаж. 9. Туркмения. 12. Уланова. 13. Аризона. 14. Тарас. 16. Атом. 17. «Орас». 18. Аллея. 19. Колас. 20. Слон. 22. Форт. 24. Тавда. 27. Винница. 29. Геродот. 30. Померанец. 31. Фольклор. 32. Ксилофон.

По вертикали: 1. Примула. 2. Реплика. 3. Контраст. 4. Воркута. 5. Ариетта. 6. Манитоба. 10. Нормандия. 11. Литосфера. 14. Трент. 15. Скопа. 21. Лонжерон. 23. Радиатор. 25. Алгебра. 26. «Дикарка». 28. Аполлон. 29. Гречиха.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ: рисунок американского художника Антона РЕФРЕЖЬЕ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

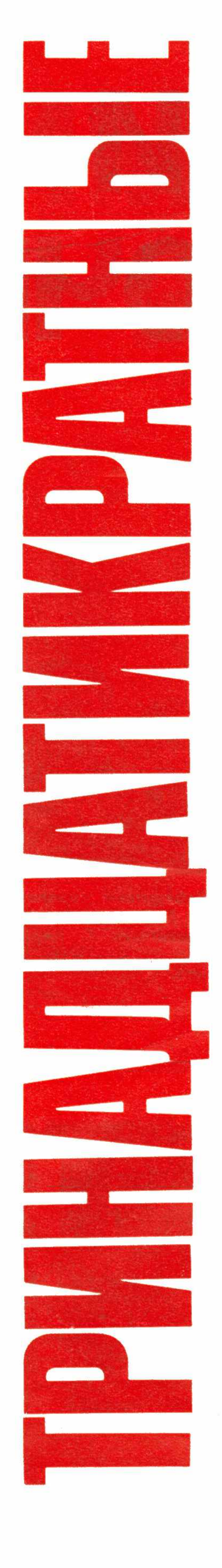
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/IV—1974 г. А 00559. Подписано к печ. 23/IV—1974 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 968. Тираж 2 130 000 экз. Заказ № 2056.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.



1. Играют сборная СССР и Чехословакии.
2. Борис Михайлов с победными трофеями.
3. Поддержка земляков.
4. Владислав Третьяк — лучший вратарь мира.
5. Чемпион мира и Европы — сборная Советского Союза.

Фото Анатолия БОЧИНИНА, специального корреспондента «Огонька»

1

2

3

4

5

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663